

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

39

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЯЗИ
СЛАВЯНСКИХ
НАРОДОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЯЗИ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

Доклады
к V Международному съезду славистов
София, сентябрь 1963

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва — 1963

Редакционная коллегия:

В. Д. КОРОЛЮК (отв. ред.), М. А. БИРМАН (отв. секр.),
Г. К. ВЕНЕДИКТОВ, А. И. ВИНОГРАДОВА,
В. И. ЗЛЫДНЕВ,
В. М. ИЛЛИЧ-СВИТЫЧ, А. Х. КЛЕВАНСКИЙ,
И. И. КОСТЮШКО, А. П. СОЛОВЬЕВА

В. Д. Королюк

**НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ
РАННЕФЕОДАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
ВОСТОЧНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН**

В задачи этого доклада не входит рассмотрение всех важных и сложных вопросов, связанных с изучением проблемы становления у славян феодализма как системы производственных отношений, образования раннефеодальной государственности и формирования славянских народностей. В соответствии с названием доклада речь в нем пойдет лишь о некоторых общих закономерностях развития славян в раннефеодальный период их истории. При этом основное внимание будет уделяться вопросам спорным или перешедшим, тем вопросам, возникновение которых в значительной мере определяется сопоставлением и сравнением фактов развития разных славянских народов в рассматриваемый автором период их истории.

Крупные успехи, достигнутые за последние 15—20 лет историографией славянских стран в изучении раннефеодального периода (VII—XI вв.), не только дают вполне достаточный, сам по себе напрашивающийся на сопоставление материал, но и прямо указывают на необходимость организации крупных сравнительно-исторических исследований целого ряда важных проблем славянского раннего средневековья. Необходимость эта определяется как тем, что сравнительно-исторический метод исследования позволяет с наибольшим эффектом судить о явлениях общих и частных, отделяя типичное от индивидуального, так и тем немаловажным обстоятельством, что большой круг вопросов, иногда целые области жизни и развития славянских стран далеко неравномерно освещаются имеющимися в нашем распоряжении источниками. Пользуясь сравнительно-историческим методом и учитывая совокупность твердо установленных фактов для ряда славянских стран, сравнивая процессы близкого стадийного уровня, историк получает возможность дать реконструкцию отдельных, исчезнувших в силу тех или иных обстоятельств из источников или еще не обнаруженных в них явлений общественной жизни для той или другой отдельно взятой славянской страны.

* * *

То обстоятельство, что в годы, прошедшие с момента окончания второй мировой войны, вопросы истории раннесредневекового периода продолжают занимать важное место в исследованиях историков славянских стран, конечно, не является случайным. В известной мере это обуславливалось тем, что проблемы образования государственности у славянских народов, вопросы истории их духовной и материальной культуры в период раннего

феодализма по-прежнему полностью сохраняли свою научную и общественно-политическую актуальность.

В борьбе с западноевропейской и американской буржуазно-националистической историографией ученым славянских стран неоднократно приходилось вступать в научную полемику с разного рода теориями, отрицающими способность славян к самостоятельному общественному и культурному развитию, принижающими их самобытную культуру или сводящими весь культурный прогресс славянских народов к упрощенному процессу односторонних заимствований. Полемика эта заставляет вновь и вновь мобилизовать имеющийся исторический материал, усиливать поиски нового материала, неоднократно возвращаться к отдельным проблемам, уточняя или развивая сформулированные ранее выводы.

В настоящее время можно констатировать крупные успехи славянской историографии, посвященной эпохе раннего средневековья. За последние полтора-два десятка лет значительно увеличилась, пополнилась и даже изменилась источниковедческая база исследований, рассматривающих раннефеодальный период в истории славян. Если еще не так давно основным, чем располагали историки, был сравнительно ограниченный круг письменных источников, крайне недостаточно освещающих важнейшие социально-экономические процессы, происходившие в раннефеодальном славянском обществе, а данные археологии привлекались преимущественно в иллюстративном плане, то сейчас в распоряжении исследователей находится значительный археологический материал, накопленный в результате широко задуманных и планомерно ведущихся раскопок. Археологический материал представляет огромную самостоятельную ценность для исследователей. Особенно значительных достижений добились советские, польские и чехословацкие археологи. Новые и важные материалы собраны и изучены также археологами Болгарии и Югославии, хотя в этих странах по-прежнему отмечалось заметное преобладание исследований, посвященных памятникам античной эпохи. О необходимости расширения археологических исследований в области раннего средневековья говорят и сами южнославянские археологи.

Археологические данные характеризуют прежде всего и главным образом материальную жизнь общества, развитие производительных сил и обмена. Но, опираясь на данные сохранившейся в земле летописи производственной деятельности людей, историки получают возможность уверенно судить о социальной структуре тогдашнего общества, господствовавших в нем производственных отношениях, о характере существовавшей в ту эпоху общественной надстройки. В свете данных археологии историк в состоянии объяснить случайные и косвенные указания современных событиям письменных источников, с большей уверенностью использовать имеющийся сравнительно-исторический материал, наконец, привлечь к исследованию показания более поздних и, как правило, более полных письменных источников.

Несмотря на весьма значительное расширение источниковедческой базы исследований в области славянского раннего средневековья, необходимо подчеркнуть, что не все этапы раннефеодальной истории с одинаковой полнотой обследованы с точки зрения расширения базы исследований.

Сколько-нибудь существенное увеличение числа письменных источников представляется мало вероятным. Круг исследуемых памятников за последнее время не претерпел радикальных изменений, хотя и несколько расширился за счет выявления и публикации такого нового типа источников, как древнерусские грамоты на бересте. Зато весьма существенные сдвиги произошли в области критического издания известных уже письменных источников, их комментирования и научной интерпретации.

Именно в послевоенные годы издание памятников древнеславянской письменности, памятников средневекового славянского права, латинских, греческих, арабских, сирийских, армянских, скандинавских и других источников, относящихся к эпохе раннего средневековья, заняло весьма видное место в работе как историков СССР, так и историков всех зарубежных славянских стран. Столь же видное место в их работе заняли и текстологические источниковедческие исследования. В результате этого серьезно усовершенствовались приемы издания и критики письменных источников раннего средневековья.

Хотя в отдельных славянских странах (Болгария, Югославия) сделаны попытки дать подбор письменных источников, относящихся к данному народу, данной стране, локальный характер таких подборок затрудняет изучение общих вопросов истории славян. Для историков, занимающихся общими проблемами славяноведения, большой интерес представляют издания, охватывающие все славянские народы, например издаваемый в Польше корпус арабских источников, относящихся к славянам. Поэтому вопрос об издании полного свода источников о славянах эпохи раннего средневековья продолжает оставаться вопросом весьма актуальным. Такое издание должно давать источник не только в подлинном тексте, но и сопровождаться тщательно подготовленными переводами. Само собой разумеется, что подготовка такого издания потребовала бы осуществления серьезных дополнительных источниковедческих исследований, касающихся отдельных авторов или групп авторов, писавших о славянах. Издание это могло бы быть осуществлено только в результате совместных усилий ученых всех славянских стран.

Новые археологические раскопки смогут серьезно расширить источниковедческую базу исследования. Здесь, как нам представляется, особое внимание следует обратить на то обстоятельство, что археологическими материалами очень слабо или почти не освещенными оказываются такие важные в истории славян периоды, как VI—VIII вв. для восточных славян, VI—VII вв. для чехо-моравских и словацких племен. Очень мало сделано археологами по этим векам и для южного славянства. Самого тщательного обследования требуют памятники материальной культуры паннонских и прибалтийских славян с VI—VII по IX—X вв.

Уже сейчас можно с уверенностью сказать, что дальнейшее изучение многих существенных сторон и процессов раннефеодального периода (в частности, более точная датировка его начальной грани, изучение процессов классовообразования и формирования народностей) в самое ближайшее время потребует тщательного археологического изучения всего длительного периода распада первобытно-общинных отношений у славян, изучения по памятникам материальной культуры экономических и культурных отношений раннего славянства с античным рабовладельческим миром, ранних славяно-кельтских, славяно-германских, славяно-аварских, славяно-болгарских и других отношений, истории передвижения в Европе славянских племен.

Отставание археологических исследований по всем этим проблемам может серьезно затормозить дальнейшую работу историков раннефеодального периода.

Основные исследования историков и археологов славянских стран в послевоенный период концентрировались главным образом вокруг таких узловых проблем как развитие материальной культуры раннесредневекового славянского общества, его социально-экономическое развитие, история классовой борьбы, а также история духовной культуры. Появились крупные обобщающие исследования, подводящие итоги и намечающие новые пути изучения основных процессов социально-экономического

развития раннесредневекового славянского общества. В первую очередь здесь следует назвать труды Б. Д. Грекова, Ю. Костшевского, Г. Ловмянского, З. Неядлы, Й. Поулика, Б. А. Рыбакова, М. Н. Тихомирова, П. Н. Третьякова, К. Тыменецкого, В. Хенселя, Я. Филиппа, Я. Эйнера и др.

Заметно слабее исследовались история государства и права у славян в период раннего средневековья, их политическое развитие, экономические и политические связи с другими восточноевропейскими странами, странами арабского востока и Западной Европы. Несомненное научное и политическое значение этих вопросов бесспорно должно побудить историков усилить интенсивность своей работы и в этой области.

* * *

Но прежде, чем попытаться подвести основные итоги послевоенных исследований в области славянского раннего средневековья, представляется целесообразным дать общую характеристику всему рассматриваемому в настоящем докладе периоду в целом, сопровождая ее указанием на основную литературу вопроса.

Раннефеодальный период завершил сложную эпоху в истории Европы, открывшуюся общим кризисом рабовладельческой системы, падением могущественной Римской империи и великим переселением народов. В рамках этой эпохи происходило становление феодального строя и образование на развалинах античного мира феодальных европейских государств, олицетворявших в то время прогрессивную тенденцию исторического развития.

В этом широком многоплановом процессе, главным стержнем которого была смена рабовладельческой формации формацией феодальной во всевропейском масштабе, весьма активную, наравне с германскими, и безусловно решающую, роль сыграли славянские народы. При этом следует говорить не только о значении активных выступлений южных и восточных славян против очагов рабовладения в Европе, чему посвящена большая советская историческая литература¹, но и важной роли запад-

¹ См.: В. А. Мишулин. Древние славяне и судьбы Восточно-Римской империи. «Вестник древней истории» (далее — ВДИ), 1939, № 1; Б. Д. Греков. Киевская Русь. «Избранные труды, т. II, М., 1959; его же. Борьба Руси за создание своего государства. М.—Л., 1945; П. Н. Третьяков. Восточно-славянские племена. М., 1953; Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация. «Византийский сборник», М.—Л., 1945; его же. Славянская община и ее роль в формировании византийского феодализма. «Византийский временник», т. I, М., 1947; его же. Очерки истории византийского общества и культуры (VIII — первая половина IX века). М.—Л., 1961; его же. Проблема падения рабовладельческого строя и вопрос о начале феодализма в Византии. ВДИ, 1956, № 4; И. В. Левченко. История Византии. М.—Л., 1941; Н. В. Пигулевская. Проблема кризиса рабовладельческого строя и генезиса феодализма. «Вопросы истории» (далее — ВИ), 1956, № 9; его же. Сирийские источники по истории народов СССР. М.—Л., 1941; Ю. М. Брайтчевский. «Об «антах» Псевдомаврикия. «Советская этнография» (далее — СЭ), 1953, № 2; А. П. Каждан. Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1960; А. П. Каждан, Г. Г. Литаврин. Очерки истории Византии и южных славян. М., 1958. Сопоставление советской и дореволюционной русской литературы вопроса дается в статьях: В. И. Пичета. Славяно-византийские отношения VI—VII вв. в освещении советских историков (1917—1947). ВДИ, 1947, № 3 и В. Т. Сиротенко. Освещение славяно-византийских отношений VI—VII вв. в советской исторической науке «Ученые записки Пермского гос. ун-та им. А. М. Горького», т. 12, вып. 4, 1959. Критику буржуазных концепций происхождения феодализма и исторической роли славянских передвижений на Балканах см. в работе: А. П. Каждан. Современная буржуазная историография о славянских переселениях в Византию. «Краткие сообщения Института славяноведения (далее — КСИС), вып. 11, 1953 и А. П. Каждан, Г. Г. Литаврин, З. В. Удалецова. Византия и Запад в современной буржуазной историографии. «Против фальсификации истории», М., 1959.

нославянских передвижений в обширных районах Центральной и Восточной Европы. Западные славяне не просто занимали земли, освободившиеся после отхода на запад германцев, но и в известной мере ускорили этот отход, потеснив с востока германские племена и приняв, таким образом, косвенно участие в ликвидации очага рабовладельческого строя в Западной Европе².

В задачи настоящего доклада не входит, разумеется, сколько-нибудь детальное рассмотрение вопросов, связанных со славянскими передвижениями конца античности и начала средневековья. Достаточно подчеркнуть тот факт, что определяющую роль в становлении феодальной Европы сыграли именно славянские, наряду с германскими, перемещения племен II—VII вв. н. э. Роль, на первый взгляд довольно значительная, если не решающая, таких кочевых народов, как сарматские языги, гунны, Ролгары или авары, принимавших участие в общеварварском штурме бимской Империи, была в действительности не более, чем второстепенной, вспомогательной. Охватывая взглядом события эпохи переселения народов в широкой исторической перспективе, можно только разве сказать, что натиск кочевых народов в довольно серьезной мере облегчил ход вековой борьбы европейского варварского мира с могущественной средиземноморской империей³.

Когда опустошительный, но еще более очистительный смерч великого переселения народов перестал метаться над Европой, и лишь на Востоке продолжали еще сверкать зарницы и слышаться глухие раскаты успокаивающейся бури, перед взором исследователя возникает романо-германо-славянская Европа, вступающая на путь феодального развития, Европа, в которой славянские народы являются равноправным и равноценным создателем нового общественного строя. И это не было случайностью, ибо в Европе творцами новой, феодальной, эпохи были, да и могли быть только народы-земледельцы, какими с древнейших времен являлись славянские племена⁴. Поэтому такими неубедительными, нелепыми,

² К сожалению, вопрос этот до сих пор еще очень слабо разработан в литературе. См. замечания в работах: А. Д. Удальцов. Проблемы происхождения славян в свете современной археологии. ВИ, 1949, № 2, стр. 46—47; J. Poulík. Staroslovanská Morava. Praha, 1948; стр. 107; В. Д. Криволюк. Древнепольское государство. М., 1957, стр. 65; (см. стр. 3) G. Labuda. Z badań nad osadnictwem i ustrojem słowian połabskich. «Slavia Occidentalis» (далее—SO), t. 22, Poznań, 1962, стр. 315.

³ Это обстоятельство нам уже приходилось отмечать: см. КСИС, № 4—5, М., 1951, стр. 73; ср. также: П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, стр. 19.

⁴ Вопросам исконности земледелия у славянских народов посвящена огромная литература. Ограничимся ссылкой лишь на некоторые синтетические исследования, где читатель найдет исчерпывающую библиографию: К. Бестужев-Рюмин. Русская история, т. I, ч. 2. СПб., 1872; Б. Д. Греков. Киевская Русь; его же. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века, кн. 1. Изд. 2, М., 1952. «История культуры древней Руси. Домонгольский период», т. I, М.—Л., 1948; «Очерки истории СССР. III—IX вв.», М., 1958; «Нариси стародавньої історії Української РСР», Київ, 1957; П. Н. Третьяков. Указ. соч.; В. И. Равдоникас. Старая Ладога. «Советская археология» (далее СА), т. XII, 1950; В. И. Довженко. К истории земледелия у восточных славян в I тысячелетии н. э. и в эпоху Киевской Руси. «Материалы по истории земледелия в СССР», т. I, М., 1952; его же. Об уровне развития земледелия в Киевской Руси «История СССР», 1960, № 5; L. Niedere. Slovanské starožitnosti, d. III, sv. I. Praha, 1924; J. Filip. Praveké Československo. Praha, 1948; J. Poulík. Jižní Morava — země dávných Slovanů. Brno, 1950; Fr. Bujak. Studia nad osadnictwem Małopolski. «Bozprawy Akademii Umiejętności» (далее — RAU), t. 47, 1905; К. Тумиенієскі. Ziemia polskie w storożytności. Poznań, 1951; J. Kostrzewski. Kultura prapolska. Poznań, 1947; его же. Pradzieje Polski. Poznań, 1949; H. Łowmiański. Podstawy gospodarcze formowania się państw słowiańskich. Warszawa, 1953; W. Hensel. Słowiańszczyzna wczesnośredniowieczna. Zarys kultury materialnej. Wyd. 2. Warszawa, 1956; J. Wielowiejski. Zagadnienie przelomu w technice uprawy roli w pierws-

кажутся сегодня заявления тех буржуазных историков, которые пытаются изобразить славян некоей пассивной массой, неспособной к самостоятельной политической активности и постоянно нуждающейся в иноземных вождах-организаторах, даже если речь идет о кочевниках с их примитивным бытом⁵. Поэтому же столь откровенно враждебными славянству являются взгляды и тех буржуазных ученых, которые, вопреки всем данным языка, материальной культуры и даже письменных источников⁶, пытаются доказывать тезис о якобы не земледельческом, а пастушеско-охотничьем характере славянской культуры I тысячелетия н. э.⁷ Искони земледельческий характер славянской культуры подчеркивали в свое время и отдельные объективные представители германской исторической науки, признававшие даже, что славяне в области развития земледелия первоначально значительно опережали своих германских соседей⁸. Земледельческий характер древней славянской культуры под напором фактов вынуждены сегодня признавать и некоторые явно не склонные как-либо преувеличивать способности славян к самостоятельному развитию зарубежные, в том числе и немецкие, историки⁹.

К сожалению, не имеющие под собой никакой почвы представления о примитивности древнего быта славян, о бродячем охотничье-промысловом или пастушеском характере их жизни даже в X—XII вв. нашли себе сторонников и в буржуазной славянской, особенно русской и польской историографии¹⁰. Распространяя подобные рода точки зрения, буржуазные исследователи ставили под сомнение способность славянских народов к самостоятельному социальному и государственному развитию, к общественному прогрессу. Таким образом, славяне, которые безусловно были важнейшим субъектом европейской истории, в их исследованиях превращались в ее объект, в инертную массу, требующую для своего движения вперед внешнего толчка.

Таковы в самых общих чертах те причины, которые обуславливали в прошлом и обуславливают сегодня первостепенную научную актуальность разработки сложных проблем переломного в истории Европы периода великого переселения народов и перехода на путь феодального развития.

zum tysiącleciu n. e. na ziemiach polskich. «Kwartalnik historii kultury materialnej», 1954, N 3.

⁵ J. Peisker. The expansion of Slavs. «Cambridge Medieval History», v. II, 1913; E. Klebel. Siedlungsgeschichte des deutschen Südostens. München, 1940 и др.

⁶ Не говоря о таком показательном памятнике, как «Правда Русская», т. I, М.—Л., 1940; т. II, М.—Л., 1947, сошлемся здесь на красноречивые показания византийских авторов (см. А. В. Мишулин. Материалы к истории древних славян (ВДИ, 1941, № 1), а также на свидетельства восточных источников: А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870; «Źródła arabskie do dziejów słowiańszczyzny», t. I. Wrocław-Kraków, 1956; «Relacja Ibrachima ibn Jakuba z podróży do krajów Słowiańskich w przekazie Al-Bekriego», Kraków, 1946.

⁷ A. Meitzen. Siedlung und Agrarwesen der Westgermanen und Ostgermanen, der Kelten, Römer, Finnen und Slawen, B. II. Berlin, 1895; J. Lippert. Sozial-Geschichte Böhmens, B. 1, Prag, 1896; F. Dornik. Les Slaves, Byzance et Rome au IX siècle. Paris, 1926; G. Welter. Histoire de Russie depuis les origines jusqu'à, 1945. Paris, 1946.

⁸ F. W. Barthold. Geschichte von Rügen und Pommern, B. I. Hamburg, 1839.

⁹ См., например: V. Gitterman. Geschichte Russlands, B. I. Zürich, 1944. В 1949 г. появилось второе издание этой книги. Подробнее о взглядах В. Гитермана см. в работе В. П. Шушарина «Современные буржуазные историки о характере древнерусского государства» в сб. «Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма», М., 1962, стр. 146—147.

¹⁰ Для русской буржуазной историографии в этом отношении особенно показательна позиция В. О. Ключевского (см. его сочинения т. 1, М., 1956); Из работ польских буржуазных исследователей следует назвать в первую голову А. Szelągowski. Chłopi dziedzice we wsiach na prawie polskim do końca w XIII. Lwów, 1913; St. Zakszewski. Ze studiów nad bullą z roku 1136. RAU, t. 43, 1902.

Именно в это время формировалась та новая, коренным образом отличная от античной, этническая карта Европы, которая является исторической основой современной европейской этнической и исторической карты.

* * *

Само собой разумеется, что формирование новой этнической и политической карты Европы было длительным процессом.

Главным его содержанием, начиная от заключительного этапа великого переселения народов, были консолидация более или менее мелких государственных образований — так называемых племенных княжеств — в крупные политические организмы. Происходило формирование относительно единых раннефеодальных государств, политический аппарат которых был в состоянии обеспечить торжество новых феодальных отношений. Границы таких единых раннефеодальных государств естественно определялись прежде всего рамками расселения родственных племен — «народцев»¹¹, связанных между собой единством происхождения.

Эпоха формирования классового общества, как известно, является временем складывания народностей. Между процессами феодализации общества, образования относительно единого раннефеодального государства и интеграцией племен — «народцев» в средневековые народности существовала вполне определенная связь, довольно четко прослеживаемая на примере исторического развития славянских народов в эпоху раннего средневековья¹². Именно эту связь имел в виду Б. Д. Греков, когда писал об основной исторической задаче, стоявшей перед раннефеодальными государствами. Задача эта заключалась в том, что они «сплачивая доселе разрозненные племена, устанавливая свои политические границы и организуя силы для их защиты, дают возможность для дальнейшего роста производительным силам страны, способствуют расширению и усилению крупного землевладения за счет крестьянских общин, увеличению числа крупных землевладельцев, распространению их власти над целыми общинами и отдельными их членами, создавая таким образом условия и предпосылки для развития крепостнического строя»¹³.

Важнейший фактор — угроза иноземного порабощения — являясь сам по себе фактором второстепенным, играл в этом длительном процессе политической и этнической консолидации роль своеобразного катализатора процесса, как правило, ускоряя его¹⁴ или даже вызывая к жизни эфемерные, недолговечные и пестрые политические объединения, не связанные ни этнической, ни экономической, ни культурной общностью.

Охарактеризованный таким образом процесс политической и этнической консолидации, образования относительно единой раннефеодальной государственности и в связи с этим формирования средневековых народностей особенно четко прослеживается в историческом развитии стран Восточной и Центральной Европы. Говоря о Западной и значительной

¹¹ Такой термин для обозначения древнерусских племен как этнической единицы (следует отличать такие племена от возникающих на их месте и нарушающих их границы племенных княжеств) употребляет П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 228.

¹² В. Д. Корольюк. Некоторые спорные и нерешенные вопросы истории славянских народов в раннефеодальный период (VII—XI вв.). КСИС, N 33—34, М., 1961.

¹³ Д. Б. Греков. Волжские болгары в IX—X вв. «Исторические записки» (далее — ИЗ), 1945, N 14, стр. 35.

¹⁴ Подробнее об этом см.: В. Д. Корольюк. Некоторые спорные и нерешенные вопросы... стр. 111—112; пример полабо-прибалтийского славянства свидетельствует, однако, что гипертрофия внешнего фактора могла иметь своим следствием замедление темпов политической консолидации (Там же).

части Юго-Восточной Европы, где формирование нового феодального строя происходило на базе социально-экономического синтеза распадающегося первобытнообщинного строя и отмирающего античного способа производства¹⁵, а образование народностей сопровождалось этническим синтезом местного и пришлого населения, где в идеологии господствующих классов сохранялись коренящиеся в античности идеи универсальной монархии, следует, разумеется, считать с более сложным ходом развития, не укладывающимся в рамки охарактеризованного выше процесса. Зато этот процесс вполне удовлетворительно объясняет характерные черты исторического развития Киевской Руси, Древнечешского и Древнепольского государства. В целом он соответствует и основным процессам, происходившим в рамках раннефеодального общества у полабо-прибалтийских славян¹⁶, где складывание единой раннефеодальной государственности тоже, по-видимому, сопровождалось образованием на базе племенной интеграции средневековых народностей, о чем свидетельствует факт постоянного употребления для их наименования в средневековых источниках, со времен Карла Великого¹⁷, одних и тех же собирательных названий: лютичи, сербы, бодричи¹⁸.

В определенной мере, как показывают это последние исследования немецких историков-марксистов¹⁹, близкий к рассматриваемому ход развития был характерен и для раннефеодальной Германии X в., политический центр которой переместился в Саксонию, хотя было бы, без сомнения, неправильным отрывать немецкий исторический процесс X в. от предшествовавшего периода времени, от эпохи империи Карла Великого, особенно от времени существования Восточнофранкской империи, имевшей в своем развитии много элементов, показательных для западноевропейского исторического процесса.

В данной связи мы не будем касаться спорного вопроса о том, каким временем следует датировать начало раннефеодального периода в истории восточных и западных славян, следует ли его относить уже к VII в. или отодвигать к VIII или IX вв.²⁰, хотя некоторые общие соображе-

¹⁵ К сожалению, не только для Юго-Восточной Европы, а особенно для славянских стран на Балканах, но и для Западной Европы проблема социально-экономического синтеза все еще явно недостаточно изучена. См., например: А. И. Н е у с ы х и н. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв. М., 1956, стр. 23—25; А. Р. К о р с у н с к и й. О развитии феодальных отношений в готской Испании V—VII вв. «Средние века», т. X, М., 1957, стр. 48; А. П. К а ж д а н. Деревня и город в Византии в IX—X вв., стр. 22.

¹⁶ V. P r o c h á z k a. Organisaace kultu a kmenové zizeni polabsko-pobaltských Slovanů. «Vznik a počátky Slovanů», d. II. Praha, 1958; е г о ж е. Politické zizeni polabsko-pobaltských Slovanů v zavěrečném údobí rodové společnosti. SO, t. 22; L. H r a б о в á. K otázce vzniku a vývoje státu u Polabských Slovanů. «Ceskoslovenský časopis historický», 1955, N 4; Н. В у л и н. Počátky státu obodrického «Pravno Historické Studii». d. IV. Praha, 1958; «K otázce periodisace dějin Zapadních Slovanů v nejstrším období feudalismu». VPS, d. 1. Praha, 1956; H. Ł o w m i a ń s k i. Podstawy gospodarze formowania się państw Słowiańskich. Warszawa, 1953; В. Д. К о р о л ь к. Государство бодричей в правление князя Готшалка. SO, t. 22.

¹⁷ «Monumenta Germaniae Historica», B. II, SS. 450—451.

¹⁸ L. H r a б о в á. Указ. соч., стр. 666—667; В. Д. К о р о л ь к. Государство бодричей..., стр. 177.

¹⁹ E. Müller-Mertens. Das Zeitalter der Ottonen. Berlin, 1955; H.-J. B a r t m u s s. Ursachen und Triebkräfte in Entstehungsprozess des «frühfeudalen deutschen Staates». «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1962. N 7.

²⁰ Обоснование более поздней даты для начала раннефеодального периода см. в работах: J. B a r d a c h. Historia państwa i prawa Polski do połowy XV wieku. Warszawa, 1957, стр. 25; Fr. G r a u s. Počátky českého státu a vývoj «Statni» ideologie. SO, t. 22; Б. А. Р ы б а к о в. Спорные вопросы образования Киевской Руси (ВИ, 1960, № 9); З. М. Ч е р н и л о в с к и й. Возникновение раннефеодального государст-

ния, и прежде всего, учет замедленности всех основных социально-экономических процессов в рассматриваемую эпоху делают весьма правдоподобной именно первую дату²¹. К этому вопросу нам еще предстоит вернуться несколько позже. Здесь важнее подчеркнуть длительность процессов образования раннефеодального общества и государства у славянских народов, а также неравномерность на определенных этапах темпов их развития. Общеизвестно, что оформлению Древнечешского государства предшествовала бурная эпоха существования Великоморавской державы, распространявшей свою власть и на чешские земли, а еще ранее — так называемой державы Само. Материальная и духовная культура Древней Руси корнями своими уходит в культуру восточнославянских племен заключительной стадии великого переселения народов. «...Культура, созданная в VI столетии античными племенами, — пишет Б. А. Рыбаков, — послужила основой для Киевского государства, для богатой и яркой культуры Киевской Руси»²². А образованию Древнерусского государства предшествовало существование более мелких политических организмов, среди которых важную роль сыграли, по-видимому, росы в Поднепровье²³. Об этом, в частности, свидетельствует установленное уже в советской исторической науке южное происхождение термина рос, связанного с древней этнической жизнью Северного Причерноморья и Поднепровья²⁴.

Можно говорить и о более длительной, чем позволяют судить письменные источники, метрике Древнепольского государства²⁵. Консолидация племенных княжений издесь началась задолго до X в., а к середине IX в. явно обозначился уже процесс образования крупного политического организма во главе с племенным княжеством висян. Великоморавское завоевание, правда, временно прервало этот процесс, определив вместе с тем переход центра политической жизни в Великую Польшу, к племени полян²⁶.

Но при аналогичном в общих чертах пути исторического развития Руси, Польши и Чехии, важно отметить неравномерность их социально-экономического прогресса. По сравнению с Киевской Русью, уже в IX в. пытавшейся штурмовать границы Византии, ведшей широкую политику на Востоке и Юго-Востоке, по сравнению с Древнечешским государством, в определенной мере выступившим наследником Великой Моравии, Польша явно отставала в своем социально-экономическом и политическом развитии не только в VII—VIII, но и даже в IX в. Это отставание неизбежно

ва у прибалтийских славян. М., 1959; см. также «История государства и права», т. I, М., 1949, стр. 410—415 и др.

²¹ В. К о р о л ю к и И. М и л л е р. О периодизации истории Польши (ВИ, 1951, № 11); В. Д. К о р о л ю к. Некоторые спорные и нерешенные вопросы..., ср. «Historia Polski», t. 1, cz. 1, pod red. П. Łowmiańskiego, s. a. s. I; str. 118—120.

²² Б. А. Р ы б а к о в. Анты и Киевская Русь. ВДИ, 1939, № 1, стр. 337.

²³ Б. Д. Г р е к о в. Киевская Русь. Избранные труды, т. II, стр. 353 и сл.; Б. А. Р ы б а к о в. Древние русы. СА, т. XVII, 1953; П. П. Т р е т ь я к о в. Восточнославянские племена, стр. 209—217.

²⁴ М. Н. Т и х о м и р о в. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля» (СЭ, т. VI—VII, 1947); ср. А. П. Д ь я к о н о в. Известия псевдо-Захария о древних славянах. ВДИ, 1939, № 4; А. Н. Н а с о н о в. «Русская земля» и образованные территории древнерусского государства. М., 1951, стр. 28—46.

²⁵ W. H e n s e l. O niektórych najdawniejszych organizacjach państwowych na ziemiach Polski. Sprawozdania wydziału I. PAN, 1958, № 1, str. 139—143; е г о ж е. The beginnings of the Polish state. Warsaw, 1960, str. 33—47. Ср.: В. Д. К о р о л ю к. Тысячелетие польского государства. ВИ, 1959, № 7, стр. 111.

²⁶ К. P o t k a ń s k i. Kraków przed Piastami. RAU, 1898, t. 35, str. 160—164; J. W i d a j e w i c z. Państwo wiślan. Kraków, 1947, str. 71—75; В. Д. К о р о л ю к. Древнепольское государство. М., 1957, стр. 117—120.

бросается в глаза и при сопоставлении польского исторического процесса с развитием государственности у полабо-прибалтийских славян, для которых соседство с империей Карла Великого, а затем Восточнофранкской империей, а также наличие постоянной угрозы иноземной агрессии являлись первоначально факторами, безусловно способствовавшими политической и даже этнической консолидации²⁷. Причину замедленности темпов польского исторического процесса в период до X в. следует, по видимому, связывать с тогдашним периферийным положением польских земель, слабостью их политических, экономических и культурных контактов с очагами процесса феодализации в Средиземноморье и Причерноморье²⁸. Здесь имеются в виду Византия, Италия, мусульманская Испания и Арабский Восток.

Только около X в. в общем положении польских земель в Восточной Европе наступили весьма существенные изменения. К этому времени они уже перестали быть далекой периферией феодальной Европы, чему в большой мере способствовало экономическое и политическое укрепление Древнерусского и Древнечешского государств, являвшихся соседями польских славян. Вместе с тем прогресс в области производительных сил и новых феодальных производственных отношений явился основой, на которой смогла возникнуть крупная, относительно единая раннефеодальная монархия Пястов, уже в течение X в. сумевшая объединить в своих рамках все этнографически польские земли. Ярким проявлением происходившего в это время выравнивания темпов социально-экономического развития Польши по сравнению с другими западнославянскими и восточнославянскими странами является отмечаемый археологами именно для X—XIII вв. факт относительного единства материальной культуры у всех славянских народов, такой близости в уровнях и формах ее развития, которой нельзя проследить на всей обширной территории славянского мира ни в один из предшествовавших периодов истории²⁹.

И если города на Руси³⁰ или в соседних с Польшей западнославянских странах³¹ появились раньше, чем в Польше, в настоящей связи особенно важно подчеркнуть появление именно в том же X в. городской жизни и в польских землях, где она возникала, как и всюду в других странах, в наиболее густонаселенных и развитых сельскохозяйственных районах, в местах пересечения важных путей сообщения³².

²⁷ См.: В. Д. Королук. Государство бодричей в правление князя Готшалка, стр. 176—177. О внешнем факторе как тормозе для политической консолидации применительно к бодричам и лютичам можно говорить лишь приблизительно со второй половины IX в.

²⁸ Подробнее об этом см.: В. Д. Королук. Древнепольское государство, стр. 84—89; его же. Спорные и нерешенные вопросы, стр. 110.

²⁹ А. В. Арциховский. Культурное единство славян в средние века. СЭ, 1946, № 1, стр. 84—90.

³⁰ М. Н. Тихомиров. Древнерусские города, изд. 2-е. М., 1956, стр. 3—64; Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 98—99; Б. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 78—90; П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, стр. 272.

³¹ W. Hensel. Słowiańszczyzna wczesnośredniowieczna..., str. 321—324; J. Poulík. Jižní Morava — země давных Slovanů. Brno, 1948—1950, str. 102—124 и др.

³² H. Łowmiański. Podstawy gospodarcze..., str. 206—207; A. Gieysztor. Geneza państwa polskiego w świetle nowszych badań. «Kwartalnik historyczny», 1954, N 1, str. 127—129; Wł. Hołubowicz. Opole w wiekach X—XII. Katowice, 1956, str. 45—46, 72; T. Lalik. Z zagadnień genezy miast w Polsce. «Przegląd historyczny», 1958, N 3; A. Gieysztor. La ville slave du Haut Mayen-Agè centre de production artisanale de rayonnement commercial; G. Labuda. Die Anfänge des polnischen Städtewesens in Hochmittelalter; K. Tymieniecki. Remarques sur le commencement de la vie urbaine en Pologne (последние три работы являются докладами, представленными на международный коллоквиум по истории средневеко-

А историческое значение появления городов как центров ремесла и торговли достаточно хорошо известно. То обстоятельство, что возникновение городской жизни является важнейшим, переломным моментом в историческом развитии общества, было прекрасно показано еще Ф. Энгельсом, которому принадлежат следующие замечательные слова: «Недаром высятся грозные стены вокруг новых укрепленных городов: в их рвах зияет могила родового строя, а их башни достигают уже цивилизации»³³. Появление на исторической сцене городов означало утверждение классового строя, в данном случае, строя феодального, интересам развития которого служили относительно единые раннефеодальные государства, в чьих рамках, в свою очередь, быстро развивался процесс интеграции и образования народностей³⁴.

* * *

Данная выше характеристика основных этапов развития восточного и западного славинства в период раннего средневековья позволяет подвести некоторые итоги многочисленным исследованиям советских и зарубежных славистов. В настоящее время можно считать решенными следующие вопросы:

а) высокий уровень развития производительных сил, достигнутый славянскими народами к моменту общего крушения рабовладельческого строя в Европе, позволил им миновать в своем развитии рабовладение как социально-экономическую формацию и перейти от первобытнообщинного строя к феодальному;

б) материальные предпосылки образования государственности у славян (развитие пашенного земледелия, ремесла и металлургии, начавшийся процесс отделения ремесла от сельского хозяйства) сложились уже на протяжении первой половины и начала второй половины I тысячелетия н. э.;

в) образование государственности у славян было результатом внутреннего социально-экономического развития славянского общества, результатом появления внутри него классов и классовых антагонизмов. Все теории, изображающие появление государственности у славянских народов как результат иноземного завоевания (норманская и родственные ей теории), лишены каких-либо исторических оснований и должны быть отброшены.

г) все известные по письменным источникам IX—X вв. государственные образования у славян, бесспорно, имели феодальный (точнее — раннефеодальный) характер. Феодальная природа таких государственных образований у славянских народов как Киевская Русь, Древнечешское, Древнепольское, а также Первое болгарское царство, Хорватское государство, не вызывает сейчас уже никаких сомнений. Намечаются первые

вого польского города, состоявшийся в сентябре 1959 г.; опубликованы в сб.: «L'artisanat et la vie urbaine en Pologne médiévale.» Kwartalnik historii kultury materialnej, 1962, № 1/2, дополнительный выпуск.

³³ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 21, стр. 164.

³⁴ Вопросы образования славянских народностей явились в последнее время предметом ряда монографических разработок. Укажем лишь на некоторые: В. В. М а в р о д и н. Основные этапы этнического развития русского народа. ВИ, 1950, № 4; Л. В. Ч е р е п к и н. Исторические условия формирования русской народности до конца XV в. «Вопросы формирования русской народности и нации», М., 1958; A. G i e y s z t o r. Uwagi o kształtowaniu się narodowości polskiej. Pochodzenie polskiego języka literackiego. Wrocław, 1956.

серьезные успехи в деле изучения становления феодальных отношений и образования феодальной государственности у сербов, прибалтийских славян и поморян.

Тот факт, что уже в IX—XI вв. указанные выше государства у восточных, западных и южных славян имели вполне отчетливый характер феодальных государств, тот факт, что в это время феодальные отношения в подавляющем большинстве случаев на территории, занятой славянскими народами, уже стали определять основное направление общественного развития славянских народов, позволяет историкам ставить вопрос о перенесении начальной грани феодального периода в истории славян еще далее вглубь веков. Сравнение показаний письменных источников (главным образом византийского происхождения) об общественном строе славян с некоторыми имеющимися уже археологическими данными, характеризующими сдвиги у славян в области производительных сил, позволили ряду советских и польских историков предположительно выдвинуть в качестве такой начальной грани рубеж VI—VII вв. н. э.

В результате была получена следующая схема: раннефеодальный период, т. е. период зарождения и становления феодальных отношений и государств на основной территории расселения славянских народов охватывает широкий отрезок времени — приблизительно с VI—VII по X или XI вв. В этом большом периоде следует выделять два основных этапа — этап зарождения феодальных отношений и появления у славян первых государственных образований и этап утверждения феодальных отношений и образования относительно единых крупных феодальных государств. Условным рубежом между этими этапами для отдельных славянских народов могут быть приняты VIII или IX вв.

Следует отметить, однако, что между исследователями в отношении этой схемы нет полного единогласия. Оспаривается главным образом первый этап схемы, охватывающий период VI—VII — VIII или даже IX вв. Ряд советских и польских исследователей считает начальной гранью раннефеодального периода VIII—IX вв. При этом за предшествующими политическими образованиями на территории славян не признается характер государства. Особенно ярко такое мнение отражается в работах, касающихся так называемой державы Само и даже Великоморавской державы, которые отдельными исследователями рассматриваются как союзы племен. Из чешских историков наиболее последовательно защищает тезис о позднем появлении государственной организации у славян Фр. Граус. Вопрос о начальной грани раннефеодального периода требует, таким образом, самого тщательного и в самом ближайшем будущем археологического обследования памятников не только VI—VII вв., но и, по крайней мере, IV—V вв.

Не предвещая исхода дискуссии по этому вопросу, нам хотелось бы только заметить, что основные социально-экономические процессы в раннефеодальном обществе развивались крайне медленно и замедленно. Учитывая же общий уровень производства, достигнутый славянами еще в течение первой половины I тысячелетия н. э., в настоящий момент представляется более обоснованным принять для раннефеодального периода широкие, а не узкие хронологические рамки, т. е. высказаться за VI—VII вв. как начальную грань раннефеодального периода в истории славянских народов.

В таком случае придется, по-видимому, согласиться и с тем, что так называемые племенные княжения, занимавшие часто обширную территорию, соответствующую территориальным рамкам военноплеменных союзов, являлись уже не политическими организмами первобытно-общинного строя, а примитивными формами политических организмов классового

строю, зародышевыми формами государственности, пришедшими на смену древним племенным союзам.

Выше уже отмечалось, что важным результатом предшествующих исследований раннесредневекового периода в истории славян в СССР и в зарубежных славянских странах является установление того факта, что все славянские народы в своем историческом развитии миновали рабовладение как социально-экономическую формацию и непосредственно перешли от первобытно-общинного строя к строю феодальному. В настоящее время этот тезис разделяется громадным большинством компетентных историков и не встречает основанных на сколько-нибудь серьезном изучении материала возражений.

Конечно, из сказанного выше нельзя делать вывода, что славянам вообще не были известны рабовладельческие формы эксплуатации человека. Никто как будто не оспаривает сейчас предположения, что рабство должно было закономерно появиться у славян, как и у всех других народов, в результате первого большого разделения труда и появления металлов. Подчеркивается только, что институт рабовладения носил у славян патриархальный характер, рабовладение не стало социально-экономической формацией. Более сложным представляется вопрос о значении рабства у славян в период раннего средневековья. Обычно подчеркивается, что это был отмирающий социально-экономический уклад, что рабы играли незначительную роль в производственной деятельности общества, являясь главным образом товаром, шли на продажу на иностранные рынки. В связи с этим ставится и вопрос о терминах источников. Термин *раб* толкуется как термин, охватывающий и феодальнозависимое население.

Во всех этих замечаниях и наблюдениях, бесспорно, очень много важного и правильного. Нам представляется, однако, существенным подчеркнуть, что картина социально-экономического развития была более сложной, и институт рабства выполнял в раннефеодальном славянском обществе более важную историческую задачу.

Совершенно естественно было бы предположить, что в период крушения первобытнообщинного строя на территории славян, когда связи их с античным рабовладельческим миром значительно расширились и окрепли, институт рабства у них должен был получить особенно интенсивное развитие, способствуя социальной дифференциации общества, выделению знати. Многие польские и частично советские историки очень сильно подчеркивают этот тезис применительно к общественной жизни славян на территории Польши в III—IV вв. н. э.

С другой стороны, частое появление в письменных источниках периода раннего средневековья термина *раб* (*челядин, servus, холоп, раб* — в Законе Судном людем и др.), означающего человека, лишенного средств производства и прав, которого господин мог продать и убить, свидетельствует, как будто бы, в пользу того, что рабовладельческий уклад продолжал развиваться и на первых этапах раннефеодального периода, когда наличие рабов помогало землевладельческой знати укреплять и расширять свое привилегированное экономическое и политическое положение в обществе.

Наличие рабовладельческого уклада не привело к появлению у славян рабовладельческой формации. Достигнув сравнительно высокого уровня развития производительных сил, достаточного для перехода к феодальным отношениям, хотя еще и не исключавшего развития отношений рабовладельческих, славяне в условиях краха рабовладельческого способа производства в остальной Европе смогли перейти непосредственно к феодализму. В условиях развития феодальных отношений рабовладельческий уклад не мог, разумеется, стать ведущим, но он мог способствовать

развитию самого феодального уклада, усиливая могущество феодализирующейся знати и поставляя готовые контингенты зависимого населения.

В раннефеодальном славянском обществе путь к феодальной зависимости пролегал не только от свободного общинника через подчинение крупным землевладельцем земли и личности общинника к феодально-зависимому крестьянину, но и через раба, посаженного на землю, к феодально-зависимому крестьянину.

Формулируя это в качестве общего положения, мы не можем, однако, не оговориться, что значение этого обстоятельства для формирования феодальных отношений в разных славянских странах, конечно, не было одинаковым. В одних (Польша, Русь, полабо-прибалтийские славяне) оно сказывалось сильнее, в других (например Сербия) было менее заметно. Эти различия потребуют еще дальнейшего изучения.

Но если развитие и отмирание рабовладельческого уклада оказывается тесным образом связанным с процессом становления феодальных отношений, то обстоятельство это может помочь объяснению факта сосуществования в раннефеодальном обществе двух видов феодальной ренты: ренты-дани, предполагающей наличие многочисленного свободного крестьянства, и примитивной отработочной ренты, коренящейся в рабовладельческом укладе. Если значение первой формы ренты особенно подробно исследуется в трудах украинского исследователя В. И. Довженка, то анализ второй привлекал основное внимание Б. Д. Грекова и Л. В. Разумовской.

Процесс отмирания рабовладельческого уклада происходил в обстановке жестокой классовой борьбы, отмеченной такими крупными народными движениями, как крестьянские и городские движения на Руси в конце X—XI вв., подробно исследованные акад. М. Н. Тихомировым, как антифеодальное восстание 1037—1038 гг. в Польше, как народное движение 60-х годов XI в. у бодричей.

В литературе, особенно советской, применительно к балканским землям, часто ставится вопрос о синтезе старых античных и новых славянских общественных отношений как основе, исходном пункте их дальнейшего социально-экономического развития. К сожалению, проблема синтеза до сих пор остается чрезвычайно слабо разработанной. Если в известной мере разработка ее ведется применительно к Византии, то когда речь заходит об образовании южнославянских государств, вопрос этот полностью замалчивается, обходится исследователями как советскими, так и южнославянскими. Между тем, даже простое сопоставление фактов заставляет считать проблему синтеза первоочередной задачей славистических исследований, причем во внимание должны приниматься не только факты синтеза общественных отношений, но и факты силы и стойкости античных традиций в области материальной жизни общества, его духовной культуры.

Самое беглое сопоставление хорошо известных в науке фактов позволяет прямо констатировать, что переход к феодальному строю происходил у славянских народов не на вполне идентичной основе. В то время как на Руси, в Польше и у полабо-прибалтийского славянства этот процесс происходил на территории, никогда не знавшей рабовладельческого способа производства, на территории Чехословакии, в Хорватии, Болгарии и у паннонских славян обстоятельства складывались иным образом. Славянам и их раннефеодальной государственности предшествовал на Балканах и в Паннонии развитый античный способ производства. На территории Чехословакии до славянского переселения существовала раннерабовладельческая кельтская цивилизация, позднее оказавшаяся в орбите провинциальной римской культуры, частично даже под властью рабовладельческого Римского государства. Вместе с тем именно эти последние области

раннесредневекового славянского мира стали областями наиболее быстрого процесса развития феодализма, здесь интенсивнее шел процесс образования государственности, они легче и раньше других славянских стран усвоили типичную для средневековой Европы форму религиозной надстройки — христианство.

Наблюдение это заставляет поставить вопрос о необходимости пристального изучения возможно сохранившихся в названных славянских странах некоторых традиций, связывавших раннефеодальную славянскую цивилизацию с предшествующим ей античным миром, традиций в области сельского хозяйства, ремесла, градостроительства, военного дела, в области некоторых надстроечных явлений. Изучение этих традиций должно, разумеется, вестись с учетом всех радикальных этнических перемен и громадного разрушения производительных сил, которые пережили рассматриваемые территории в период крушения античного рабовладельческого мира и великого переселения народов. Априори можно сказать, что традиции эти в разной мере сохранились, оказали далеко не одинаковое влияние на развитие отдельных народов и государств. По-видимому, они прочнее оказались на территории Болгарии и в Приморской Хорватии, чем, допустим, на территории Чехословакии.

В современной славянской историографии разоблачены реакционные теории о якобы извечной отсталости и культурной несамостоятельности славянских народов. В результате борьбы с так называемой норманской теорией и аналогичными ей теориями в отношении западных славян, болгар, хорватов, как уже говорилось выше, можно считать доказанным, что славянские народы оказались способными к созданию собственных государств, способными к самостоятельному государственному развитию. До основания разрушены все построения буржуазных исследователей, ставивших своей целью доказать, что средневековая славянская культура и экономика были лишь результатом переноса на славянскую почву достижений германских или иных неславянских народов. Показана активная роль славянских народов в процессе крушения и ликвидации в Европе зашедшего в тупик рабовладельческого способа производства и становления феодальной Европы.

Особенно большое значение для выяснения самобытности, самостоятельности культурного, экономического и политического развития славянских народов имели работы советских, польских и чехословацких историков и археологов.

Ни в какой мере не игнорируя и не уменьшая научного значения исследований, построенных в указанном плане, нам хотелось бы обратить внимание на другую сторону явлений. Самостоятельное развитие ни в какой мере не означает, не должно означать развитие изолированное. Культурная или экономическая изоляция никогда не благоприятствовали в истории прогрессу экономики или культуры. Социально-экономическое и культурное развитие славянских народов тоже не происходило в условиях изоляции. Между тем, связям и отношениям в области культуры и экономики славянских народов с другими народами Европы и Востока в нашей литературе отводилось до сих пор совершенно незначительное место, их значение еще очень слабо выяснено. Это тем более неоправданно, что сравнительное изучение исторического развития славянских народов в раннефеодальный период позволяет высказать предположение, что степень и широта экономических и политических связей с передовыми феодальными странами Европы и Востока, интенсивность их культурного общения с передовыми очагами средневековой цивилизации (мы имеем в виду прежде всего Византию и Арабский Восток, Италию и мусульманскую Испанию) оказывали определенное влияние даже на темпы развития

процесса феодализации у славян. Соседство и тесные связи с наиболее развитыми феодальными странами благоприятствовали более быстрому развитию феодальных отношений. Очевидно этим в известной мере объясняется тот факт, что процессы феодализации и оформление феодальной государственности в VIII—IX вв. интенсивнее происходили у болгар, чехо-моравских и словацких племен, хорватов и на Руси, чем в расположенных на отдаленной периферии тогдашней Европы польских и полабо-прибалтийских землях. Да и в пределах расселения одной народности отмеченную выше закономерность было бы сравнительно нетрудно проследить. Достаточно вспомнить летописную антитезу полян и древлян. Киевщина и Новгород определенно обгоняли Северо-Восточную Русь, в Польше Мазовия заметно отставала в своем развитии от Малой Польши и Силезии, более тесно, чем она, связанных с европейскими очагами феодализма и испытывавших непосредственно на себе влияние близкого, более развитого феодального соседства (Великая Моравия, Древнечешское государство, Русь). Паннонские, моравские и словацкие земли шли впереди чешских.

В связи с этой неравномерностью социально-экономического развития славянских стран находится, как правило, и усвоение ими христианства — мировой феодальной религии. Исключение составляют полабо-прибалтийские славяне, где христианизация задерживалась кровавой агрессией германских феодалов.

Принятие христианства было прогрессивным актом, поскольку оно содействовало развитию феодальных отношений, оформляло феодальную надстройку общества, способствовало развитию культуры и письменности.

Сказанное выше не означает, однако, что в IX—X вв. язычество было у славян идеологией первобытно-общинного строя. Возникновение иерархии богов отражало процесс приспособления славянского язычества к условиям классового общества. Примером такого приспособления является религиозная реформа Владимира на Руси и сложная организация языческого культа у прибалтийских славян. Утверждению трансформировавшегося в классовую религию язычества в качестве господствующей религии мешало наличие в Европе более развитой мировой феодальной религии — христианства. В соперничестве с язычеством христианство неизбежно должно было взять верх и по общеполитическим причинам, по условиям внешнеполитического развития славянских государств в Европе. Христианизация укрепляла их международные позиции, упрочивала экономические и культурные связи с передовыми странами, в то время как язычество могло лишь осложнить международные позиции славянских государств. Не случайно поэтому, что языческие традиции оказывались наиболее прочными в периферийных районах тогдашнего славянского мира, в Польше и северо-восточных русских землях. К сожалению, изучение славянского язычества все еще привлекает слишком мало внимания историков-славистов.

Формирование относительно единых раннефеодальных государств, охватывавших в основном всю территорию той или иной складывающейся славянской народности, шло путем поглощения одних племенных княжеств другими. Выделялись и вели борьбу между собой основные политические центры объединения. Объединение это завершалось под руководством наиболее сильного княжества. В ряде случаев мы сталкиваемся не с одним, а с двумя или несколькими очагами, вокруг которых развивался процесс консолидации отдельных земель в относительно крупное единое раннефеодальное государство. В Древней Руси отражением такого именно явления являлось, очевидно, известное соперничество Киева и Новгорода, в Чехии мы встречаемся с этим, изучая борьбу пражского князя с

княжеством зличан и с княжеством Славниковцев, в Польше легко прослеживается малопольский и великопольский, а может быть силезский и другие очаги образования относительно единого государства.

В ходе борьбы за политическое объединение страны развивался конфликт между местной племенной знатью, с одной стороны, и знатью центрального племени и поддерживающей усиливающуюся княжескую власть дружинной знатью, — с другой. Местная племенная знать часто использовала в своем конфликте с центральной властью классовую борьбу эксплуатируемого крестьянства. Особенно показательны в этом отношении события 1037—1038 гг. в Мазовии и на Поморьи и 60 годы XI вв. в Бодрицком государстве.

Указанный конфликт не был, конечно, антагонистическим противоречием раннефеодального общества. В рамках его совершался процесс консолидации и формирования господствующего класса феодалов. Это особая и еще слишком слабо изученная в историографии проблема.

Как установлено советскими и другими славянскими исследователями, наличие серьезной военной опасности, угроза порабощения действовали, как правило, ускоряющим образом на процесс образования крупных славянских государств. Очень ярким примером того, как наличие внешней опасности ускоряло образование крупного славянского государства, является держава Само. Однако, как уже отмечалось в литературе, историкам приходится считаться с тем фактом, что наличие внешней опасности могло и затормозить образование крупных славянских государств. Гипертрофия этого внешнего фактора могла способствовать замедлению процесса усиления центральной власти и серьезно изменить соотношение центробежных и центростремительных тенденций в раннефеодальном обществе. В частности, история полабо-прибалтийских славян и поморян, история сербских племен, когда исключительно серьезная и напряженная международная обстановка была постоянно действующим фактором, является прекрасной иллюстрацией к этому положению. Названные примеры еще раз указывают на необходимость самого пристального изучения международных условий образования у славян государственности.

Особенностью развития сербских, полабо-прибалтийских и поморских славян является крайняя длительность, а у полабо-прибалтийских и поморских славян, в определенной мере, и незавершенность процесса образования крупных относительно единых раннефеодальных государств.

Специфической чертой развития государственности у полабо-прибалтийских и поморских славян в X—XI вв. является слабость княжеской власти и наличие очень отчетливых элементов раннефеодального республиканизма, когда власть сосредотачивалась в руках совета знати, включавшего в себя и жреческую верхушку и подчинявшего своей воле народное собрание свободных людей — вече. Такая слабость княжеской власти не была, по-видимому, явлением изначальным, а являлась следствием длительного процесса, явлением вторичным, связанным не только со сложным международным положением, но и, возможно, с особенностями развития базиса раннефеодального общества у полабо-прибалтийских и поморских славян — все это — вопросы, требующие дополнительного исследования. Бросающейся в глаза спецификой развития базиса у них является наличие большого числа крупных и могущественных торговых городов, превращающихся в своеобразные феодальные республики. Близкую аналогию к политическому развитию полабо-прибалтийского и поморского славянства являют собой новгородские земли древней Руси и может быть приморская Хорватия.

Но и у полабо-прибалтийских (бодричи) и у поморских славян на протяжении XI и в XII в. шел процесс усиления княжеской власти,

развивавшийся параллельно складыванию относительно единых крупных раннефеодальных государств. В борьбе за укрепление своих позиций княжеская власть пыталась опираться на внешнюю помощь (Готшалк, поморские князья). Поскольку подъем значения центральной княжеской власти происходил в условиях развивавшихся в рамках общества отношений феодальной раздробленности, процесс этот не мог не оказаться сложным, прерывающимся и незавершенным.

Переход к классовому обществу является, как известно, временем формирования народностей. В раннефеодальный период происходил и процесс формирования славянских народностей. В наши задачи входит подчеркнуть, что процесс этот был тесно связан с процессом образования относительно единых раннефеодальных государств, служивших, вместе с тем, нарождающемуся классу феодалов аппаратом политического насилия над народными массами.

В тех случаях, когда образование крупных раннефеодальных государств происходило относительно быстро, не прерывалось решительно какими-либо политическими катастрофами, образующиеся народности, консолидирующиеся в рамках единого государства, получали наиболее благоприятные условия для своего общественного и культурного развития.

Такими благоприятными условиями для своего развития пользовалась, например, польская народность. Даже тогда, когда образующаяся народность вынуждена была ассимилировать более или менее значительный иноплеменный элемент, наличие единого государства создавало ей выгодные условия для развития. Этот случай очень ярко характеризует историю Руси и Болгарии, древнерусской и болгарской народностей. Наоборот, длительность и незавершенность процесса образования единого раннефеодального государства тормозили и усложняли процесс консолидации народности как это видно на примере племен сербского происхождения, прибалтийско-полабского и поморского славянства. Политическая катастрофа, прервавшая историческое существование Великоморавской державы, прервала, по-видимому, и начавшийся процесс образования в ее рамках единой народности. На основе последней сложились позднее чешская и словацкая народности. Результатом государственной слабости, катастрофически тяжелых политических условий существования может быть даже такая историческая трагедия, как исчезновение большей части прибалтийско-полабского славянства и славян в Паннонии, поглощенных немецким и венгерским этническим элементами.

Судьбы народности и судьбы создаваемых ею раннефеодальных государств оказываются, таким образом, в очень сложной и тесной связи между собою.

* * *

Мы остановились только на некоторых спорных или малоизученных вопросах, постановка которых диктуется, на наш взгляд, сегодняшним состоянием науки о раннефеодальном периоде в истории славянских народов. Это не значит, конечно, что в этом докладе нашли отражение все спорные и нерешенные вопросы. Предлагаемые нами решения давались лишь в форме предположений. Они не претендуют ни на что большее. Зато из того, что было сказано выше, нам кажется, с полной отчетливостью видно, какое широкое поле для исследовательской работы представляет собой этот далекий этап славянской истории, какие большие перспективы для исследования открывает сравнительно-исторический подход к основным явлениям эпохи раннего средневековья.

С. А. Никитин

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

1963 год является годом замечательного юбилея — 1100 лет со времени создания славянской письменности.

В данной заметке мы лишь напомним кое-какие факты, связанные с этим юбилеем, и отметим некоторые новые попытки в решении вопроса, вопроса чрезвычайно сложного, по которому, кажется, трудно сказать что-либо новое, — так уже много написано и так для решения его мало ясных и очевидных данных.

Принимая дату 863 г., считают, что славянская азбука была изобретена в связи с Моравской миссией Кирилла и Мефодия, о которой Паннонское житие Константина Философа говорит: «Ростислав, моравский князь, ... совет сотворя со князьями своими и с моравами, послал к царю Михаилу, говоря: наши люди, отказавшиеся от язычества и держащие христианский закон, не имеют учителя, который нам изложил бы веру христианскую на нашем языке»¹ — и просил послать такого. Выбор императора пал на Константина (Кирилла), который помолился и «сложи письмена и нача беседу писати евангельскую», т. е. переводить евангелие на славянский язык².

В то же время многие ученые полагают, что изобретение азбуки Кириллом относится к более раннему времени — к 855 г., и связано с просветительной деятельностью братьев не в Моравии, а в предшествовавшей поездке в чешские земли и проповедью в Македонии. Такая точка зрения, в частности, широко распространена в Болгарии, да и не только там.

Болгарский писатель X в. черноризец Храбр представлял себе все это как более сложный процесс. Он рассказывал о том, что первоначальным видом письма у славян были черты и резы: «чертами и резами чьтеху и гатааху». По-видимому, это не была упорядоченная письменность, а некоторое число знаков, употреблявшихся для счета, памятных заметок, возможно, гадания. После крещения славяне стали употреблять греческий и латинский алфавит, которым писали, как говорил Храбр, «без устройства», неточно, неправильно, т. к. эти алфавиты не соответствовали фонетическому строю славянского языка, его специфическим звукам.

«Но како может ся писати добре гречьскими письмены бог или живот, или зело, или церковь или чаание, или широта, или ядь, или уду, или юность или язык и иная подобная симь?»³. Это неудобство было устранено созданием славянской азбуки Кириллом, которая точно передавала звуки славянского языка.

¹ П. А. Лавров. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930, стр. 26.

² Там же, стр. 27.

³ Там же, стр. 162.

Трудно сказать, чем объясняется такая ясная картина развития письменности, какую нарисовал Храбр. Ведь в его время была не одна славянская азбука, а две — глаголическая и кирилловская. И если он имел в виду более распространенную в его время кириллицу, то он умолчал о глаголической азбуке.

Ученые долго спорили о том, какой из двух славянских алфавитов древнее и под каким воздействием он возник. Одни считали, что Кирилл изобрел глаголицу, а кириллица появилась в результате усовершенствования первоначального алфавита. Большинство сторонников этого взгляда приписывает кириллицу ученику Кирилла Клименту (В. Ягич, Н. С. Тихонравов, В. Н. Щепкин⁴ и др.). Другие полагают, что Кирилл изобрел глаголицу, а кириллица существовала ранее как видоизменение греческого письма (В. Ф. Миллер)⁵. Третьи думают, что Кирилл изобрел кириллицу, а глаголица возникла позже как род тайнописи и использовалась католическим духовенством, державшимся славянского богослужения (Е. Ф. Карский, И. И. Срезневский, А. И. Соболевский и др.)⁶. Четвертые высказываются в пользу того, что Кирилл изобрел кириллицу, а глаголица существовала ранее как самобытное славянское письмо. Все же в последнее время большинство исследователей склонялось к мнению, что древнейшим был глаголический алфавит, сложившийся, как утверждал Миклошич, под воздействием греческого курсивного минускула⁷, т. е. византийского письма, распространенного в IX—XV вв. и отличавшегося своеобразной формой букв небольшого размера и некоторыми другими чертами. В то же время некоторые ученые отмечали различные восточные влияния на глаголические знаки, воздействие на них еврейской, самаританской азбук.

Однако, и сейчас есть исследователи, ищущие нового, более убедительного решения вопроса. Так, болгарский ученый Э. Георгиев полагает, что процесс развития славянской письменности более продолжителен. Обращая внимание на наличие в славянских языках сходных слов для обозначения понятий: «читать», «писать», «книга», он относит начало письменности к периоду славянской общности. А в чертах и резах черноризца Храбра он усматривает следующий этап развития. Оставляя в стороне филологическую сторону дела, заметим, что исторически гипотеза о таком раннем начале письменности никак не подтверждается.

Не подтверждена до сих пор непосредственная связь черт и резов, — т. е. знаков на камне, строительном материале, керамике и т. п., — со знаками славянского алфавита. Таким образом, небуквенный характер этих знаков представляется наиболее вероятным.

Есть в источниках, касающихся славянской азбуки, одно сообщение, которое давало повод для сомнений. В цитированном житии Константина рассказывается, что в Херсонесе он нашел евангелие и псалтырь, «русскими письмены писано»⁸, и человека, говорившего на том языке, и Константин разговаривал с ним. В то время, как одни ученые принимают это

⁴ В. Ягич. Образцы языка церковнославянского по древнейшим памятникам глаголическим и кирилловской письменности. СПб., 1882; е г о ж е. Глаголическое письмо. «Энциклопедия славянской филологии», вып. 3, СПб., 1911; В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии. М., 1920.

⁵ В. Ф. Миллер. К вопросу о славянской азбуке. «Журнал Министерства народного просвещения», 1884, № 3.

⁶ Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография. СПб., 1828; И. И. Срезневский. Древние глаголические памятники сравнительно с памятниками кириллицы. СПб., 1866; А. И. Соболевский. Славянорусская палеография. СПб., 1908; П. А. Лавров. Палеографическое обозрение кирилловского письма. «Энциклопедия славянской филологии», вып. 4. СПб., 1914.

⁷ Ч. Лоукотка. Развитие письма. М., 1950, стр. 161.

⁸ П. А. Лавров. Материалы..., стр. 12.

сообщение буквально, видят в нем указание на раннюю русскую письменность, другие сомневаются в этом. Совсем недавно новое толкование указанного места из жития предложил болгарский академик Иван Гошев. Он считает его просто опиской. По его мнению, первоначально было написано: «Псалтыр ускими письмены писано», т. е. буквально, написанный тесно поставленными буквами. Причем писали, говорит И. Гошев, главным образом, согласные буквы, а гласные обозначали надстрочными и другими знаками. Поэтому, полагает он, в житии далее и говорится, что Константин начал читать и толковать содержание книг, различая гласные и согласные⁹.

Бесспорно только одно, что ни черты и резы, ни «тайственные» письма, виденные Константином в Херсонесе, которые, как кажется, более никто не видел, не послужили той графикой, которая легла в основу славянской письменности. Ею была азбука, созданная братьями-просветителями.

Но какая же это была азбука?

Совсем недавно Э. Георгиев изложил такой взгляд. Кириллица, по его мнению, старше глаголицы. Он относит ее к VII в. и связывает с так называемой Солунской легендой. В этом памятнике говорится о Кирилле Кападокийском, который получил божественное указание идти в болгарскую землю и просветить болгар, что он и выполнил. На основании упоминания участника VI вселенского собора Солунского митрополита Иоанна, умершего в 695 г., Э. Георгиев, вслед за И. Ивановым, считает возможным, что «Кирилл Кападокийский участвовал в создании кириллицы, которая появилась ранее глаголицы»¹⁰. Что же касается глаголицы, Э. Георгиев, как и другие ученые, связывает ее с братьями-просветителями и приводит ряд соображений в пользу такого мнения. Он отмечает наличие ранней моравско-паннонской глаголической традиции, т. е. существование глаголических памятников, возникших в Моравии в связи с миссией Кирилла и Мефодия; наличие хорватской глаголической традиции т. е. употребление в Хорватии глаголических богослужебных текстов, содержащих переводы, перенесенные из Моравии; наличие моравизмов во всех этих памятниках и некоторых других¹¹.

Взгляд Э. Георгиева на древность кириллицы не нашел поддержки. Наоборот, названный мною И. Гошев обратил внимание на интересную деталь в сочинении черноризца Храбра. Он отмечает то место текста, где сказано, что первая буква алфавита «аз» была божьим даром славянам и была отлична от греческой «альфы». Это очень интересное и тонкое наблюдение, т. к. глаголический аз вовсе не похож на греческую альфу, к которой ближе аз кирилловский. Материал надписей, который собран и рассмотрен И. Гошевым, убедительно опровергает соображения Э. Георгиева. И. Гошев изучает начертание букв, его эволюцию, показывает применение отдельных букв. В прошлом многие исследователи (Соболевский, Лавров, Ягич) искали объяснения происхождения кирилловской буквы **Ж**. И. Гошев на основе данных надписей доказывает, что оно идет от глаголического **Ж** и датирует это явление. «Преобразования произошли, — пишет он, — самое позднее во время царя Петра, в ту графическую эпоху, от которой до нас дошла Добруджанская надпись 943 г. В ней мы впервые видим букву **Ж** в ее новом графическом облике — скрещении трех

⁹ Иван Гошев. Старобългарски глаголически и кирилски надписи. София, 1961, стр. 17—18.

¹⁰ Е. Георгиев. Расцвет на българската литература в IX—X в. София, 1962, стр. 34.

¹¹ Е. Георгиев. Кирил и Мефодий, основоположници на славянските литератури. София, 1956, стр. 113—114.

одинаковой длины черт»¹². Собранный И. Гошевым материал показывает, как в ранних кирилловских надписях еще держатся глаголические буквы, как они меняют свои очертания. Наблюдения над графикой ранних надписей приводит его к такому выводу: «Все литературное предание говорит об одной славянской азбуке, а еще в 893 г. в Преславе видим две: кириллицу и глаголицу. В этом нет ничего особенного и необыкновенного: славянские просветители создали только одну азбуку — глаголицу, а из нее возникло новое светское письмо — кириллица»¹³. Он принимает свидетельство жития Климента Охридского, написанного Хоматианом; там Климент изменил некоторые буквы и сделал их более ясными. Но в отличие от тех ученых, которые связывали с именем Климента создание кириллицы, И. Гошев полагает, что он только изменил некоторые буквы. Основываясь на болгарском материале, ученый говорит: «Изменения глаголических буквенных знаков в староболгарскую кириллицу, которые произошли самое позднее во время Климента Охридского, быстро увеличивались во второй половине X в. — в течение XI в. Четырнадцать славянских (негреческих) букв оформившейся уже кириллицы постепенно становятся более легкими для письма, упрощенными по облику, более экономичными... К началу XI в. (славянская буква — С. Н.) уже довольно близка к современному ее облику»¹⁴.

Так постепенно на протяжении полутора столетий созданная просветителями глаголица превратилась в более удобную и заместившую ее в Болгарии кириллицу.

Думается, что выводы академика И. Гошева, хотя и потребуют дальнейшей проверки и уточнения, намечают убедительный путь решения вопроса. Вывод о большей древности глаголицы и о позднейшем возникновении кириллицы получает новое прочное обоснование. Вывод этот, как представляется, объясняет причину раннего исчезновения глаголицы в Болгарии и связанных с нею в культурном развитии странах (Русь, Сербия).

Действительно, судьба глаголицы в разных странах оказалась неодинаковой. Принесенная братьями-просветителями в Моравию, она была запрещена в 885 г., когда после смерти Мефодия были изгнаны его ученики. Все же, несмотря на запрет, она просуществовала до XI в., хотя и не имела крупного значения. В XIV в. при Карле IV в Чехии имела место попытка восстановления глаголицы — в Пражском предместье хорватским глаголяшам был отдан Еммаусский монастырь. Но хотя после того глаголица существовала в Чехии до XVII в., она оставалась на периферии, вытесненная латиницей. Полагают, что существование глаголического центра в Чехии имело большее культурное значение для Хорватии, чем для Чехии, т. к. он усиливал хорватских глаголяшей, способствовал увеличению хорватской глаголической литературы за счет текстов, написанных с чешских оригиналов. Таким путем, например, в Хорватию попали проповеди Я. Гуса¹⁵.

В конце XIV в. была попытка заимствования глаголицы из Чехии и в Польшу. Около столетия в Кракове в церкви св. Креста служили мессу на славянском языке по глаголическим книгам (*idiomate slavonico*).

У восточных славян глаголица была мало распространена. Все, что сохранилось, сводится к известной записи Упыря Лихого (первая половина XI в.), где говорится, что он свой кирилловский текст переписал с

¹² И. Гошев. Указ. соч., стр. 73.

¹³ Там же стр. 115.

¹⁴ Там же, стр. 119—120.

¹⁵ F. В и њ а г. Povijest hrvatske protestantske knjizevnosti za reformacije. Zagreb, 1910; S. I v њ i ć. Dozad neposnati hrvatski glagolski prijevodi iz staroćeškog jezika Slavia. I. Prag, 1922, VI; 1927.

«из куриловице», т. е. глаголицы, и отдельным словам или глаголическим буквам в кирилловских текстах. Это свидетельствует о том, что на Руси ряд текстов был переписан с глаголических образцов, но распространение глаголица не получила.

Гораздо более широкое развитие получила глаголица у южных славян. Изгнанные из Моравии ученики Мефодия принесли на Балканский полуостров глаголические книги. Климент и Наум обосновались в Охриде и создали охридскую глаголическую школу письменности. К памятникам македонского происхождения относятся Зографское и Ассемановы евангелия, Синайская псалтырь и другие. Глаголица здесь продержалась до XIII в.

В Сербии и в северной части Болгарии глаголица имела гораздо меньшее распространение, чем в Македонии.

Наибольшее значение она получила в Хорватии, куда проникла, по видимому, еще в 60 гг. IX в.¹⁶ С широким распространением глаголицы в Хорватии связано народное предание о том, что глаголица была создана специально для хорватов. Это предание приписывает создание глаголического алфавита церковному писателю второй половины IV—начала V в. Иерониму. В действительности Иероним был переводчиком Нового завета на латинский язык, а вовсе не создателем славянской письменности, которой в V в. еще не существовало.

В X в. католическая церковь на двух соборах стремилась запретить глаголицу и славянское богослужение, но во второй половине XI в. вновь был собран собор, после которого церкви, в которых служили на славянском языке по глаголическим текстам, были закрыты. Однако позже, во второй половине XIII в., глаголица была признана в некоторых частях Хорватии — в Сеньской архиепископии и на острове Крк. До того и позже, хотя глаголица и употреблялась вопреки запретам, она не считалась законной, и все же распространилась в ряде местностей Хорватии, в Боснии и других местах.

В Хорватии глаголица имела важное культурное значение. До XV в. этим шрифтом делались надписи (знаменитая Башчанская плита и др.), им написан известный законодательный памятник — Винодольский закон (1288), церковные книги, городские статуты, даже некоторые произведения светской прозы. В конце XV в. (1483) была напечатана первая глаголическая книга, содержащая богослужебные тексты (мисал). Глаголические тексты сохраняли церковнославянский язык, хотя и в хорватской редакции. В то же время уже с XIV в. латиница приобретала в Хорватии все большее значение, а с XVI в. стала основной формой письма¹⁷.

Глаголица в Хорватии дожила до XIX в. С этого времени она начала быстро исчезать под давлением высшего духовенства, насаждавшего латынь.

Таким образом, созданная братьями-просветителями глаголица всего крепче удерживалась в славянских католических землях, где она была средством борьбы за славянское богослужение, за славянский язык в церкви против чуждого этому народу латинского языка. Это обстоятельство и давало повод некоторым ученым, как уже говорилось, видеть в глаголице позднюю тайнопись.

Я остановился больше на глаголице потому, что судьба ее, как и сама глаголическая азбука, у нас менее известна, чем кириллица, являющаяся привычным для нас алфавитом. Последняя, сформировавшись в Болгарии,

¹⁶ V. J a g i č. *Dijela*, IV. Zagreb, 1953, str. 234.

¹⁷ Ъ. Р а д о ј и ч и ћ. 1100 година словенске писменosti. «Стремљенъа» (Приштина), 1963, № 1.

распространилась оттуда в славянские и неславянские области, принявшие православие. Она была усвоена сербами, перенесена на Русь, вместе со славянским языком богослужения, ставшим и официальным языком, усвоена румынами и продержалась здесь до XIX в. Она и сейчас является, хотя и в несколько измененном по сравнению с первоначальным виде (отпали юсы, греческие буквы — «кси», «пси» и др.), графикой восточных славян, болгар, сербов. В настоящее время кириллица положена в основу графики многих народов Советского Союза.

Итак, болгарские земли явились той средой, которая питала славянскую письменность и во время ее возникновения и в последующий период перехода от глаголицы к кириллице. В результате создания азбуки огромные территории, населенные славянами в Юго-Восточной, Центральной и Восточной Европе, приобщились к культуре, т. е. азбука, графика — это лишь одна сторона того великого дела, которое было начато братьями-просветителями. Другой стороной было то, что сначала сами просветители, а затем и их ученики стали переводить книги на славянский язык. Первыми появились книги богослужебные, затем — дидактические (патерик, т. е. сборник рассказов о христианских подвижниках), юридические (номоканон — книга церковных правил). Вскоре возникли и оригинальные произведения. Братья-просветители составили канон, т. е. цикл церковных песнопений стихотворного склада, посвященных почитавшемуся на их родине в Солуни св. Димитрию, слово в честь св. Климента, папы римского, повесть об обретении его мощей. Этим было положено начало славянской литературе. Ее дальнейшее развитие связывается с деятельностью болгарских книжных школ — Преславской и Охридской. Конец IX — первая четверть X в. известны как золотая пора болгарской средневековой литературы.

Переводы греческих книг, созданные в Болгарии, и оригинальные произведения братьев-просветителей и первых болгарских писателей были перенесены в другие славянские земли, прежде всего в Моравию, Сербию, на Русь, в Хорватию. Здесь они получили широкое распространение. И многие памятники творчества первых славянских, в частности, болгарских писателей дошли до нас в списках, сохранившихся не в Болгарии, а в странах, воспринявших письменность и начатки литературы из Болгарии, в особенности, в России. Эти литературные произведения стали образцом, явились толчком для создания самостоятельных, оригинальных литературных сочинений и в Чехии, и в югославянских землях, и особенно на Руси. Высокое развитие болгарской литературы X в., единство литературного языка в славянских землях, обеспечившее широкое распространение памятников письменности, не только выдвинули Болгарию в число наиболее культурных стран современной Европы, но и способствовали быстрому культурному подъему других славянских народов.

Н. И. Толстой

**РОЛЬ КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКОЙ ТРАДИЦИИ
В ИСТОРИИ
ВОСТОЧНО- И ЮЖНОСЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ**

Если взглянуть на этническую карту Европы IX в., то сразу же бросится в глаза огромное пространство от Балтики на севере до Адриатики и Эгейского моря на юге, от Лабы, Судет и Альп на западе, до Волги на востоке, почти сплошь занятое славянским этносом, многочисленными разновидностями «языка словѣньскаго», племенами, которые, как свидетельствует русский летописец, «прозвашася имени своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ... Морава... Чеси... Хравате Бѣли и Серебъ и Хорутане... Лахове... Полане» и т. д.¹

Обратившись к политической карте той же поры, мы увидим на территории распространения «словѣньскаго языка» достаточно могущественные и менее самостоятельные славянские державы, такие как Киевская Русь, Великая Моравия, пястовская Польша, Болгарское царство, сербское государство Властимира, Мутимира, хорватское — Мислава, Трпимира и прочих. Единый, этнически достаточно монолитный, славянский массив занимал в ту эпоху почти всю Центральную и Восточную Европу и играл в ее политической, экономической и культурно-религиозной судьбе отнюдь не второстепенную роль. И не будет преувеличением, если мы скажем, что от него во многом зависела судьба давнего, к тому времени все более четко определяющагося соперничества европейского Запада и Ближнего Востока — латинских наследников Священной Римской империи и их византийских конкурентов. Славяне не были ни в политическом, ни в экономическом, ни в культурном отношении инертной массой, расположенной к пассивному восприятию внешних влияний. Активное начало их социальной структуры и духовной культуры достаточно ярко проявлялось во всех сферах жизни.

В IX в., в пору уже достаточно прочной территориальной стабилизации славянского этноса, после великих передвижений и миграций, в пору, когда был приобретен опыт в борьбе за установление и организацию своих государственных образований и институтов, существовали уже все основные предпосылки для возникновения и широкого распространения славянской письменности.

В принципе можно предположить и даже допустить существование письменных форм речи у славяндо Кирилла и Мефодия, как-то: употребление греческого алфавита у южных славян, латинского у славян западных, довольно фантастических «чертов и резов» (это могли быть

¹ Лаврентьевская летопись. «Полное собрание русских летописей», т. I. М., 1962, стб. 6.

семиотические знаки иного порядка) черноризца Храбра... Но гораздо важнее учитывать тот факт, что вслед за знаменитой моравской миссией славянская письменность получила очень широкое распространение и в аспекте географическом, и в аспекте функциональном. От письменных памятников докирилло-мефодиевской эпохи у нас не осталось никаких достаточно достоверных следов, и даже если бы они и были обнаружены (что мало вероятно), они, надо полагать, не шли бы в сравнение с тем обильным числом исторических свидетельств о деятельности Кирилла и Мефодия и их учеников, которыми мы располагаем в виде житий, легенд, похвальных слов, служб, сказаний, эпистолий, наконец, в виде многочисленных глаголических и кириллических переводных канонических памятников². Поэтому дату 863 г. мы без колебаний принимаем как дату начала славянской письменности, славянской книжности и литературы, древнеславянского литературного языка.

Тесная связь этого знаменательного события с традициями византийской культуры вполне закономерна. Между греческо-византийским культурным миром, с одной стороны, и латинско-римским, — с другой, в IX в., т. е. еще до окончательного разделения церквей, существовал ряд фундаментальных различий³, выражающихся и в такой отнюдь не мало важной для нас проблеме, как вопрос о допустимости при богослужении, и несколько шире — вообще в книжности, крайне ограниченного или неограниченного числа языков. В то время почти весь западноевропейский латинский мир, за исключением, может быть, только ирландцев, придерживался «треязычия» — догмата, по которому «не достоинь никоторому же кызку имѣти буквѣвъ своихъ, развѣ Еврѣи и Грекъ и Латинѣ, по Пилатоуу писанью еже на крстѣ Гсни написъ»⁴. Для древнерусского летописца, так же как и для византийских философов и правителей раннего средневековья, такой догмат был не более как «роптаніе и хула на Словенскую грамоту» и «треязычная ересь».

Византия в общем одобряла и поддерживала христианскую письменность народов Востока на их народных языках (сирийском, коптском, арабском, эфиопском, армянском, грузинском, готском и др.)⁵, а моравская миссия Константина и Мефодия была, как недавно отметил А. В. Исаченко⁶, вполне в духе византийских агиографических мотивов, согласно которым призванный учитель обычно проповедует на родном языке паствы. Шестнадцатая глава известного Паннонского жития Константина Философа целиком посвящена спору о «треязычной ереси». Она начинается с красноречивого описания такого эпизода: «Въ Натѣхъ же (Венеци) бывшоу емоу, собрашася на нь латиньстїи епископи и поповѣ и чернорисци, яко врани на соколъ, и въздвигоша триязычноую ересь, глаголюще: (чловѣче), скажи намъ, како ты еси нынѣ створил Словѣномъ книги, и оучиши а, ихже вѣсть никтоже инъ первѣе обрѣлъ ни апостоль, ни римьскыи папезъ, ни феоологъ Григорїи, ни Иеронимъ, ни Августина? Мы же три кызкы токмо вѣмъ, имиже достоинь въ книгахъ славити бога, евѣрѣискы, еллиньскы,

² См. собрание источников в кн.: П. А. Лавров. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. «Труды славянской комиссии», т. I. Л., 1930; более полным в отношении западных источников является собрание Ф. Гривеца и Ф. Томшича «Constantinus et Methodius Thessalonicensis. Fontes» в издании «Radovi Staroslovenskog instituta», knj. 4. Zagreb, 1960.

³ F. D v o r n i k. Les slaves, Byzance et Rome au IX-me siècle. Paris, 1926.

⁴ «Лаврентьевская летопись», стб. 27.

⁵ И. Снегаров. Кратка история на съвремените православни църкви, том I. София, 1944.

⁶ А. В. Исаченко. К вопросу об ирландской миссии у паннонских и моравских славян. «Вопросы славянского языкознания», вып. 7, 1963, стр. 43—72.

латиньскы. Отвѣща философъ къ нимъ: не идет ли дождь отъ бога равно на вса, или слыще такоже не сикеть ли на вса, ни ли дыхаемъ на аерь равно вси? То како вы са не стыдите, три кызыкы токмо мнаще, а прочимъ всѣмъ кызыкомъ и племеномъ слѣпымъ велаше быти и глуухымъ?»⁷.

Далее следует ссылка на письменность ряда сопредельных с Византией восточных народов и многочисленные апелляции к каноническим книгам и авторитетам.

Тема отрицания «тремязычной ереси», нашедшая яркое отражение и в «Сказании» черноризца Храбра⁸, и защита ее со стороны латинского духовенства, возникшая, надо полагать, задолго до кирилло-мефодиевской эпохи, оставалась злободневной вплоть до XVII в. во всех областях, где славянская письменная культура сталкивалась с влиянием латинской догматической школы. Иногда, правда, уже после возникновения славянской письменности и литургии, римская курия, преследуя свои временные интересы, допускала употребление славянского языка в конфессиональных целях (например, папа Адриан II, папа Иоанн VIII), но за этим следовали периоды довольно строгого запрета, сказавшиеся на всей истории культуры и литературы западных славян и части славян южных — словенцев и хорватов (например, сплитские церковные соборы 925 и 927 гг.).

Во второй половине IX в., т. е. до прихода венгров в Паннонию, до разделения церквей и до упадка Моравского и соседних западнославянских княжеств, связь западного и южного славянства была достаточно тесной и непосредственной; живые сношения поддерживались и с восточными славянами. Моравская миссия Константина и Мефодия не могла оставаться локальным явлением — она очень скоро приобрела значение почти общеславянское. «Причтетиса велицѣхъ кызцѣхъ», — т. е. пользоваться своей собственной самобытной письменностью, — было живым стремлением почти всех славян. В короткий срок вслед за моравской школой славянства грамота проникает в Чехию⁹. Возникает, вероятно, паннонская школа у князя Коцела, традиции которой продолжались в Хорватии и сохранялись глаголяшами до наших дней¹⁰, переживает бурный подъем восточноболгарская «преславская» школа в эпоху царя Симеона¹¹, македонская «охридская» школа¹². Славянскую письменность принимают сербы, она находит широкое распространение и развитие на Руси, и даже Польша¹³ и Лужицкая Сербия¹⁴ не оказываются в стороне от ее влияния. «Тако, — можем сказать, вспоминая слова русского летописца, — разидеса Словѣнскии кызыкъ, тѣмже и грамота прозваса Словѣнская»¹⁵.

⁷ «Паннонское житие Константина Философа» в кн.: П. А. Лавров. «Материалы...», стр. 29—30.

⁸ «Сказание о письменах», там же, стр. 162—164.

⁹ M. Weingart. Ceskoslovenský typ cirkevnej slovančiny. Bratislava, 1949.

¹⁰ V. Jagić. «Hrvatska glagolska književnost», в кн.: B. Vodnik. Povijest hrvatske književnosti, knj. I. Zagreb, 1913.

¹¹ Е. Георгиев. Създаването на Преславската и Охридската книжовни школи в Средновековна България. «Годишник на Софийския университет. Филологически факултет», L, 1. София, 1955; е го же. Разцветът на българската литература в IX—X в. София, 1962.

¹² Б. Конески. Охридската книжовна школа. «Литературен збор», III, 1, Скопје, 1956, стр. 1—19.

¹³ В. Наврѓанек. Otázka existence církevní slovančiny v Polsku. «Slavia», г. XXV, s. 2. Praha, 1956; T. Leher-Splawinski. Czy są ślady istnienia liturgii cyrylo-metodejskiej w dawnej Polsce? (Там же).

¹⁴ A. Frinta. Bohemismy a paleoslovenismy v lužickosrbské terminologii křesťanské a jejich dějepisný význam. «Acta Universitatis Carolinae. 5. Philologica». Praha, 1954.

¹⁵ «Лаврентьевская летопись», стб. 6.

Однако, события конца IX, X и XI вв. неблагоприятно сказались на судьбе славянской письменности у западных славян, но способствовали ее расцвету у славян восточных и южных — русских, сербов, болгар, македонцев и отчасти хорватов.

* * *

Дошедшие до нас древнейшие славянские памятники X—XI вв. красноречиво свидетельствуют о том, что, начиная с эпохи Кирилла и Мефодия, в течение трех веков славяне пользовались в принципе единым книжно-литературным языком с рядом локальных вариантов. Славянский языковой мир, диалектный языковой ландшафт был в общем довольно монолитным и единообразным, если сравнивать его с диалектным ландшафтом современного славянства. Но и этот последний, как известно, отличается большей монолитностью, чем, например, те же современные немецкие диалекты: между верхненемецкими и нижненемецкими наречиями исчисляется по ряду показателей различие более резкое, чем между современными отдельными славянскими языками.

Славянские диалекты XI в., по мнению Н. С. Трубецкого, Н. Н. Дурново и А. Мейе, были еще настолько структурно близки друг к другу, что сохраняли состояние праславянского языка поздней поры. Это была пора до падения редуцированных, до изменения структуры слога, до существенной реорганизации морфологического и синтаксического строя, до семантических и лексических инноваций. Представление о материальном единстве и общности славянских диалектов, столь ярко выраженное еще Нестором-летописцем, отмеченное затем Дуклянином, Далмиллом, Длугошем и другими, не покидало сознания многочисленных славянских историков и писателей вплоть до начала XVIII в.

При такой общности славянских наречий IX в. вполне реальным оказывалось положение, по которому один из диалектов, возведенный на уровень литературного языка, становился приемлемым для всего славянского ареала или для значительной его части.

Но дело обстояло все же не столь просто. Даже если принять диалектной основой старославянского языка говор македонских, солунских славян, то разница между старославянским и присолунским диалектом будет далеко не только в том, что первый был письменным языком, а второй — устным, первый имел географически очень широкую, хотя и социально ограниченную сферу распространения, а второй — весьма локальную. Разница окажется прежде всего в том, что старославянский представляет некоторую филологически обработанную, наддиалектную модель, включающую, видимо, и элементы других южнославянских говоров, усовершенствованную затем на основе иного народно-разговорного субстрата — моравского и вновь подверженную обработке на славянском Юге. Греческий же язык (в первую очередь синтаксис, словообразование, лексика) был той классической моделью, тем «великимъ кзыкомъ», по образу и подобию которого пытались строить старославянский, строить, однако, без слепого подражания и не в ущерб его общей структуре. Достаточно сказать, что в лексическом фонде классических старославянских текстов, насчитывающем 9000 слов, — 1200 гречизмов (не считая многочисленных калек). Следует учитывать и стилистику языка, которая далеко не безразлична к самому языковому материалу.

Таким образом, старославянский язык с самого своего возникновения имел во многом характер интернационального, интерславянского языка. Этот факт уже отмечался такими авторитетными учеными, как

В. И. Ламанский, И. В. Ягич, Ф. Пастрнек, Й. Курц, А. Достал и другие¹⁶.

В дальнейшем прямой наследник старославянского—древнеславянский (церковнославянский) в еще большей мере развил эти особенности. Именно по этой причине в славянской филологии в течение всего XIX в., т. е. в пору, когда кирилло-мефодиевский вопрос был центральным научным вопросом, шли споры между сторонниками «паннонской» и македоно-болгарской теории происхождения старославянского языка. Дело было все же не столько в недостаточном привлечении научных фактов, сколько в попытках довольно прямолинейно решать вопрос о соотношении языка диалекта-первоисточника и языка литературного—старославянского. В видоизмененном плане, с несколько иной постановкой задач, этот спор продолжается в отношении аналогичности лексического состава старославянского языка и современных славянских диалектов. Здесь я имею в виду работы Б. Цонева, С. М. Кульбакина, А. С. Львова и других¹⁷.

Говоря о роли кирилло-мефодиевской традиции в истории славянской письменности, мы имеем в виду прежде всего стремление к нормализации и сохранению древнеславянского (церковнославянского) языка как орудия межславянской культуры. Стремление это не всегда вело к возрождению архаических норм, хотя следует признать, что в принципе и такая цель ставилась при каждой достаточно широко задуманной попытке нормализации.

Если исчислять историю древнеславянского литературного языка десятью столетиями, т. е. проследить его развитие до XVIII в. включительно, то можно выделить три эпохи его нормализации или централизации нормы. Первая эпоха старославянская (IX—X вв.). Это кирилло-мефодиевский период и последующий период деятельности связанных с ним школ. Вторая эпоха (XIV—XV вв.) — терновская школа, ресавская школа, второе южнославянское влияние на Руси. Третья эпоха (вторая половина XVI—XVII вв.) — виленская, киевская и московская школы¹⁸.

Для второго и третьего периодов, так же как и для первого, характерно обращение к греческим образцам, стремление отграничить письменный язык от языка разговорного, языка субстратно-диалектного, стремление придать ему книжный, интерславянский характер. Для них также свойственно тяготение к архаизации норм, к более широкой коммуникации не только в пространстве, т. е. к охвату всего греко-славянского ареала, но и во времени, т. е. к возможности непосредственного использования

¹⁶ В. И. Л а м а н с к и й. Непорешенный вопрос. Статья I. Об историческом образовании древнего славянского и русского языка. «Журнал Министерства народного просвещения», СХLI, 1869; В. Ј а г и ч, Константин (Лирил) и Методије, оснивачи словенске цркве и књижевности. «Братство», XVI. Београд, 1921; Fr. P a s t r n e k. O prvím slovanském písmě a o jeho původci. «Universita Karlova v Praze v roce 1922-1923», Praha, 1927; J. K u r c. Církevněslovanský jazyk jako mezinárodní kulturní (literární) jazyk Slovanstva. «Ceskoslovenské přednášky pro IV mezinárodní sjezd slavistů v Moskvě», Praha, 1958; A. D o s t á l. Staroslověnština jako spisovný jazyk. «Bulletin Vysoké školy ruského jazyka a literatury», III. Praha, 1949.

¹⁷ Б. Ц о н е в. Кои новобългарски говори стоят најблизу до старобългарски в лексикално отношение. «Сборник на Българската Академия на науките», XI, София, 1915; С. М. К у л ь б а к и н. О речничкој страни старословенског језика. «Глас Српске Краљевске Академије», СХХХVIII, други разред 73, Београд, 1930; А. С. Л ь в о в. Из наблюдений, над лексикой старославянских памятников. «Ученые записки Института славяноведения», т. IX. М., 1954.

¹⁸ Предложенная нами ранее предварительная периодизация истории древнеславянского литературного языка (см. «Вопросы языкознания», 1961, № 1, стр. 66) нуждается в некотором уточнении и исправлении. Так, например, третий период следует считать со второй половины или с конца XVI в. и с этого времени определять начало последнего этапа централизации (= нормализации) этого языка.

всего предшествующего наследия. Однако, во второй и особенно третий период ситуация, связанная с функционированием древнеславянского (церковнославянского) языка, осложнялась наличием народных славянских письменных языков (древне- или среднесербского, среднеболгарского, древне- или среднерусского). Здесь в каждом локальном ареале выискивались возможности сосуществования этих языков, распределения их по жанровым сферам, наблюдалось возникновение переходных, реализованных типов и их взаимосмешение.

* * *

Историки болгарского языка давно отметили в памятниках XIII—начала XIV вв., в основе своей почти исключительно конфессиональных, ряд черт, свойственных народно-разговорной речи (мену юсов, черты аналитизма и т. д.)¹⁹. Значительное отступление от классических кирилло-мефодиевских норм в сторону диалектной речи наблюдается и в других южно- и восточнославянских памятниках этого периода. Такие отклонения, очень важные для истории языка субстрата, как правило, были более или менее спорадическими и не имели характера новой нормы. Современники их часто воспринимали как «растление»²⁰ или даже «ересь», как порчу языка²¹.

Болгарская терновская школа, возглавлявшаяся патриархом Евфимием, и ее продолжательница сербская ресавская школа, видными представителями которой были тот же Константин Костенчский²², Григорий Цамблак²³ и другие, ополчились против «развращения книжного» и своим «устроением» оставили заметный след в истории южно- и восточнославянской письменности.

Деятельность этих школ нельзя считать простой реконструкцией кирилло-мефодиевских норм, но общая ситуация и отношение к греческой словесной культуре напоминали времена деяний моравской, преславской и охридской школ²⁴. Важным отличием было существование достаточно богатого своего, пусть даже критически воспринимаемого, славянского письменного наследия, появление значительного числа новых оригинальных славянских произведений. Общим моментом оказывалось обращение к греческим оригиналам, возникновение новых переводов, увеличение объема переводной литературы. Греческая модель не только в плане языковом и стилистическом, но и в плане каноническом и морально-этическом во многом служила эталоном, Афон, затем Константинополь²⁵ — основными посредниками, исихастское учение — источником духовных и поэтических представлений, которым подчинялось и искусство слова. Не слишком осложненный, но возвышенный панегирический стиль патри-

¹⁹ К. Мирчев. Историческа граматика на българския език. София, 1958.

²⁰ «Книга Константина Философа и грамматика о письменех» в кн.: И. В. Ягич. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. «Исследования по русскому языку», т. I. СПб., 1895, стр. 395.

²¹ Там же.

²² Ю. Трифонов. Живот и дейност на Константина Костенецки. «Списание на БАНИ», кн. LXVI-5. София, 1943.

²³ А. И. Яцимирский. Григорий Цамблак. Очерк его жизни, административной и книжной деятельности. СПб., 1904.

²⁴ П. А. Сырку. К истории исправления книг в Болгарии в XIV в., вып. I. Время и жизнь патриарха Евфимия Тырновского. СПб., 1898.

²⁵ М. Н. Тихомиров. Пути из России в Византию в XIV—XV вв. Византийские очерки. М., 1961; И. Дуйчев. Центры византийско-славянского сотрудничества. «Труды отдела древнерусской литературы». Институт русской литературы (Пушкинский дом) [далее — ТОДРЛ], т. XIX. Л., 1963.

арха Евфимия²⁶ и довольно выпященный стиль «плетения словес» его последователей и продолжателей²⁷ требовали нового славянского словотворчества по образцу греческого, осложненного синтаксиса и специфического словообразования, в принципе не чуждого славянскому языку, по не встречающегося в таком виде и объеме ни в одном из славянских диалектов.

Довольно искусственный характер древнеславянского книжного языка в ту пору значительно усугубился. Эту искусственность достаточно явственно ощущал тот же Константин Костенчский, отметивший в своем грамматическом трактате интернациональный, межславянский характер книжной кирилло-мефодиевской речи, в которую, по его представлению, из разных славянских наречий вошли «краснѣйшаа» слова. Восходящий к ней книжный язык не следует поэтому звать ни болгарским, ни сербским, а «словѣньскимъ», ибо он свойствен и близок всем славянским народам, но более всех — русскому²⁸. Это одно из самых ранних признаний исключительного авторитета русской книжности и русского книжного языка.

Русь почти без опоздания включилась в процесс нормализации на основе терновской и ресавской реформ, более чем вдвое увеличила фонд своей письменности, а деятельность митрополита Киприана²⁹, Пахомия Логофета³⁰, Григория Цамблака, несколько позже — Максима Грека³¹ и других заложила фундамент того подъема книжной культуры на Руси Западной и Московской, который во второй половине XVI и в XVII вв. сделал ее центром культурного «греко-славянского мира».

Так называемое «второе южнославянское влияние» на Русь³² касалось норм не только книжной, но и церковной жизни: архаический студийский устав, сохранявшийся у восточных славян дольше, чем у греков и южных славян, был заменен иерусалимским. Первые списки славянского устава, бывшего в употреблении в русской церкви, свидетельствуют о их сербском происхождении и относятся к концу XIV в.³³ Наряду с «устроениемъ церковнымъ» шло «исправление книжное», возведенное на Руси в дело первейшего государственного значения, волновавшее впоследствии почти все социальные слои русского народа и послужившее поводом глубоких расслоений и борьбы официальных «никонщиков» и старообрядцев — «ревнителей святой старины». Едва ли еще когда-нибудь на Руси филологические вопросы осознавались столь значительными и ставились столь остро³⁴.

²⁶ Ц. Вранска. Стипы похвати на патриарх Евтимий. «Сборник БАНИ», кн. XXXVII — 2. София, 1942.

²⁷ М. Н. Снежанский. Из наблюдений над сложными словами (composita) в стиле русской литературной школы XV—XVI вв.; в кн. того же автора «Из истории русско-славянских литературных связей», М., 1960; А. И. Яцимирский. Из истории славянской проповеди в Молдавии, ПДПИ, CLXIII. СПб., 1906.

²⁸ «Книга Константина Философа и грамматика о письменех», стр. 397—398.

²⁹ Л. А. Дмитриев. Роль и значение митрополита Киприана в истории древнерусской литературы. ТОДРЛ, т. XIX, Л., 1963; см. там же литературу вопроса.

³⁰ В. Яблоцкий и Пахомий Серб и его агнографические писания. Биографический и библиографически-литературный очерк. СПб., 1908.

³¹ В. С. Иконников. Максим Грек и его время. Киев, 1915.

³² Из новых работ см. очень ценный труд В. А. Мошина «О периодизации русско-южнославянских литературных связей X—XV вв.». ТОДРЛ, т. XIX, Л., 1963; см. также аналогичную работу того же автора «O periodizaciji rusko-južnoslavenskih književnih veza». «Slovo», 11-12. Zagreb, 1962.

³³ А. Петров. Чествование св. славянских апостолов Кирилла и Мефодия в древнерусской церкви (по служебным минеям и мясецословам до 1682 г.). «Христианское чтение», т. LXXIII. СПб., 1893, стр. 526—547.

³⁴ Ср. по этому поводу остроумное замечание несколько стороннего наблюдателя Юрия Крижанича: «Хотја пак настрѣјност писма и језика нѣст тѣлика вѣщ, да би дльа

На московском съезде славистов Д. С. Лихачев дал глубокий комплексный анализ «второго южнославянского влияния» в книжности и в искусстве, отметив общность художественных методов, приемов и идей Пахомия Серба, Епифания Премудрого, Феофана Грека и Андрея Рублева, методов и идей, исходящих еще от поздней византийской агиографической литературы и «палеологовского ренессанса»³⁵.

Этот комплекс художественно-эстетических и этических воззрений и методов, который Д. С. Лихачев довольно условно называет «предвозрождением», нашел продолжение и развитие в последующий период, в XVI и XVII вв. Возвышение Москвы — Третьего Рима и ее соперничество с Польшей, претендовавшей на роль ведущей славянской державы, реформация, контрреформация, эпоха ренессанса и барокко в Европе вызвали на границах «греко-славянского мира» и славянства, входящего в «латинскую» культурную сферу, острое политическое и культурное соперничество, ведущее также и к выработке новых форм культуры, литературы и литературного языка. Так возникли предпосылки для третьей и последней нормализации древнеславянского литературного языка на основе киевско-виленского и московского центров.

Волна реформации прямо и косвенно вызвала к жизни ряд новых литературных языков в Европе: словенского, литовского, лужицко-сербского, румынского и других. Идея отказа от книжно-литературного языка, далекого от народно-диалектной речи или вовсе чуждого ей, идея демократизации книжности и пропаганды конфессиональной литературы на языке, понятном широким народным массам, проникала и в Западную Русь и нашла там свое отражение во второй половине XVI в. в таких опытах, как Пересопницкое евангелие, евангелия Негалева, Чеховича и др.³⁶ Протестантство в таких видах, как кальвинизм и арианство, вело на Западную Русь довольно интенсивную пропаганду. Ему противостояло католичество, в меньшей мере православие, а к самому концу XVI в. общая обстановка осложнилась появлением униатства. Униатство было воспринято как основная опасность для национальной украинской и белорусской культуры.

В условиях создавшегося многоязычия, употребления латинского, польского, западнорусского — «русской мовы», «русской мовы», часто сильно полонизированной³⁷, — и, наконец, древнеславянского языков, возникла не-

нєєјє дѡстѡно бѣло въ бѡжѣѣ цѣркѣ шѡтѡст чинѣт: једнакоже изправлѣнје језѣка, и ѡстројѣнје дѣхѡвних бесѣд, нѣст сѣјетно, него пѡче вѣрло полѣзно дѣло» (см. «Грамматѣчно изкѡзанје об руском језѣку...», изд. О. Б о д я н с к о г о. М., 1848. Предговѡрје, стр. IV—V).

³⁵ Д. С. Л и х а ч е в. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. «Исследования по славянскому литературоведению и фольклористике». М., 1960.

³⁶ Подробнее см. в нашем докладе «Взаимоотношение локальных типов древнеславянского литературного языка позднего периода (вторая половина XVI—XVII в.)» в сб. «Славянское языкознание. (Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов)», М., 1963, стр. 230—272.

³⁷ Любопытно свидетельство современника, автора историко-полемического сочинения о начале и распространении унии в Литве и Западной Руси и о действиях ее поборников, написанное около 1600—1605 гг. неизвестным львовским священником, бывшем на Брестском соборе «в предостережение православным». Автор обвиняет Ипатия Потяя в подделке книг под древние и шипет, что приверженцы унии, «кого могучи лагодными словы, врядами, достоинствами до себѣ зневоляютъ, а иныхъ мучать, грозять, кпигами фальшивыми закидаютъ, книги змышляютъ, пишучи подѣ датою старюю, письмомъ старымъ, якобы колѣсь тая згода трвати мѣла. Але присмотрѣсь пильно въ самую рѣчь, и знайдешъ, же хоть такіє письма старые змышляютъ, але рѣчь вся Потѣева, якъ бы усты самъ мовилъ. Притомъ знайдешъ там слова, вѣка теперешного людьми уживаемые, которыхъ старые предки нашѣ не уживали: бо якъ Поляцы у свой языкъ намѣшали словъ Латинскихъ, которыхъ южъ и простые люди зѣ налогу уживаютъ; такъ же и Русь у свой языкъ намѣшали словъ Польскихъ и оныхъ ужи-

обходимость в нормализации последнего, в выработке грамматических, лексических и стилистических норм³⁸. Эти нормы, так же как и нормы терновской школы и второго южнославянского влияния, не были непосредственным возвратом к кирилло-мефодиевскому языку, т. к. списки той эпохи были тогда почти неизвестны. Они также не означали полного возврата к нормам XIV—XV вв., но, подобно предшествующей поре, обращались к традиции и основывались на представлениях о древнеславянском языке ранней эпохи.

Характерной особенностью этого периода нормализации было появление достаточно подробных грамматических руководств, таких, как книги Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого, полные издания канонических текстов, среди которых следует выделить Острожскую библию, появление словарей, азбуковников, букварей. Большую роль в утверждении новой виленско-киевской и московской нормы играло книгопечатание, обеспечивающее ее распространение также у южных славян и влахомолдаван.

Греческий язык в этот период снова выполнял роль модели-эталона. Его ставили в основу филологического образования и в Западной Руси, в довольно многочисленных братских школах, и на Руси Московской, сначала в школе Арсения Грека, затем в училище братьев Лихудов, и, наконец, в Славяно-греко-латинской академии. Паисий Лигарид в своем опровержении челобитной попа Никиты образно пишет, что к греческому языку следует обращаться потому, «ибо большая есть чистота источника, нежели потока»³⁹. По образцу языка «источника» древнеславянский язык западнорусского и московского центров изобилдовал в ряде случаев грамматическими категориями и конструкциями, чуждыми славянским языкам. Такое положение было отчасти зафиксировано в знаменитой грамматике Смотрицкого, о которой Юрий Крижанич писал: «Мелѣтиѣ Смотрицкѣи дльради својеѣ трѣдольѣбѣа... пишѣцѣ Граматѣкѣ достѣѣен ѣст пѣмѣти и вноѣиѣ хвалѣ: и бил би доспѣл вѣщи нарѣдѣ посѣбниѣ, даби се нѣбил соблазнѣл по обзѣрѣ на Грѣческиѣ превѣди: и даби нѣбил захѣтил нѣшего ѣзѣика на Грѣческиѣ и на Латѣнскиѣ ѣзѣори прѣтварѣят»⁴⁰.

Восприятие греческой модели, по Крижаничу, было порчей славянского языка, попыткой насадить его на чужую колодку («копѣто»). Искусственному, несколько эллинизированному древнеславянскому языку поздней поры великий хорватский филолог хотел противопоставить свой искусственный интерславянский язык, более демократический, более близкий к народной основе, главным образом к основе сербско-хорватской. Но его блестящий, слишком смелый проект пролежал в рукописи до середины XIX в. с тем, чтобы удивить своей ученостью и грамматической прозорливостью лучших славистов нашего времени. И сколь это ни парадоксально, выступая против грецизмов и освобождаясь от многих старославянизмов, Ю. Крижанич все же действовал в русле кирилло-мефодиевских традиций в широком смысле этого слова. Применяясь к новым диалектно-языковым условиям, он предлагал единый, общий славянский язык, который, по его мнению, мог бы объединить письменность славян восточного и западного обряда⁴¹.

вають. Тогда snadно познаешъ, же то книжки змышленые и неправдивые...» («Акты, относящиеся к истории Западной России», т. IV. СПб., 1851, стр. 229).

³⁸ A. Martel. La langue polonaise dans les pays ruthènes. Lille, 1938.

³⁹ «Материалы для истории раскола за первое время его существования». Под ред. П. Субботина, т. IX. СПб., 1894, стр. 236.

⁴⁰ «Грамаѣчно изкѣзанѣ...», Предговѣрѣ, стр. V.

⁴¹ О других опытах создания общеславянского языка на новой основе, последовавших за опытом Ю. Крижанича, см.: П. Кулаковскій. Очерк истории попы-

Крижаничева идея славянской взаимности отражала программу многих далматинских, хорватских, чешских и польских гуманистов о единстве славянского племени — «языка», программу, возникшую не только для борьбы с турецкой экспансией, но также и в результате стремления утвердить свою национальную культуру против притязаний Запада⁴². Характерно, что в эту эпоху имена Кирилла и Мефодия все чаще появляются на страницах исторических сочинений. О их миссии писали с большей или меньшей достоверностью Ян Длугош, Станислав Сарницкий, Мартин Кромер и Матвей Стрыйковский, Богуслав Билеевский, Ян Яфет, Павел Странский, Ян Амос Коменский, Богуслав Бальбин, Мавро Орбини и др.⁴³ С именем Кирилла, или св. Црги, связывали гуситы свое причащение под обоими видами; их литургию на родном чешском языке также можно связать с кирилло-мефодиевской традицией. Своеобразным миниатюрным ренессансом миссии солунских братьев было в более ранний период, в XIV в., прибытие к Карлу IV хорватских монахов в Сазаво Эмаусский монастырь с глаголическими книгами и славянской мессой⁴⁴.

Папская курия после Иоанна VIII постоянно преследовала славянское богослужение. Отношение несколько изменилось в XVII в., когда римская конгрегация пропаганды стала возлагать надежды на униатство, но и тогда положение оставалось двойственным: католическое духовенство было против распространения славянской литургии за счет латинской и признавало ее только там, где этого требовали интересы борьбы за унию⁴⁵.

В борьбе против славянского языка и в XVI в. использовался обветшалый догмат «треязычия», правда в уже несколько модернизированном облике. В этом отношении характерны рассуждения иезуита Петра Скарги, который в сочинении «О единстве костела божьего» (1577) писал: «Вельми обманули тебя греки, народе русский, что веру свою святую тебе передавая, языка своего греческого не передали, но сим словенским пользуются повелели, он же нигде правого разумения в науке не постиг. Ибо только сии два суть языки: греческий и латинский, коими вера святая по всему свету распространена и насаждена есть и кроме коих никакой иной ни в какой науке, а наипаче в духовной веры святой, совершенным быть не может»⁴⁶.

Далее Скарга утверждал, что нет на свете народа, который бы говорил на церковнославянском языке, что этот язык не имеет ни грамматики, ни правил, ни словарей и что его никто в совершенстве не понимает, а прибегают для толкования к польским переводам. В лоне греческой церкви, рассуждал Скарга, многие не знают греческого языка. «Не так

ток решения вопроса об едином литературном языке у славян. «Мефодиевский юбилейный сборник». Варшава, 1885.

⁴² Из новой литературы см.: А. Л. Гольдберг. Идея славянского единства в сочинениях Юрия Крижанича. ТОДРЛ, т. XIX, Л., 1963; И. Бадалич. Юрий Крижанич — предшественник Ивана Тихоновича Посошкова, там же.

⁴³ F. Wollman. Slovanství v jazykové literárním obrození u Slovanů. Brno, 1958.

⁴⁴ J. Vašica. Slovanská bohoslužba v českých zemích. Praha, 1940.

⁴⁵ J. Радонић. Римска Курија и јужнословенске земље од XVI до XIX века. Београд, 1950.

⁴⁶ «Ktemu wielce cię oszukali Grekowie, narodzie Ruski, iż ci, wiarę ś. podając, ięzykać swego Greckiego nie podali. Aleć na tym Słowieńskim przestać kazali, abyś nigdy do prawego rozumienia y nauki nie przyszedł. Bo tylo ty dwa są ięzyki, Grecki a Łaciński, ktorými wiara ś. po wszem świecie rozszerzona y szczepiona iest, okrom ktorých, nikt w żadney nauce, a zwłaszcza w duchowney, wiary ś. doskonałym być nie może» [«Русская историческая библиотека» (далее — РИБ), т. VII. Памятники полемической литературы в Западной Руси, кн. 2. СПб., 1882, стб. 485].

в костеле римском! Все единым языком, до единого католика говорим и в школах, и в академиях, и в костелах»,— восклицает он ⁴⁷.

Знаменитому иезуитскому казнодею возражали лучшие полемисты своего времени, такие, как Иван Вишенский и Захарий Копыстенский. Вишенский в своей остроумной и риторической «Зачапке мудрого латыника з глупым Русином» отметил, что «тежъ нас Скарга в своих аеровымыслных книжках укорил, иж мы, Русь, словенскаго языка не разумѣем»⁴⁸. Уделив опровержению этих слов и утверждению превосходства славянского языка над латинским достаточно времени, страстный украинский полемист восклицает: «Яко же ты смѣеш хулный язык, Скарго, на святых учителей грецких отверзати и хулити, зазрость приписуючи, яко бы, от той побежденны будучи, не подали языку рускому, в писмѣ словенском живущему, науки?». «В разумѣ языка словенскаго русин, либо сербин, или болгарин вѣдает и разумѣет...»⁴⁹. Язык этот достиг, по словам И. Вишенского, «святоплодия», «чего николи язык латинский не имѣл и имѣти не может», а сам Скарга «на славянский язык посполу с дияволом борбу подвигнул», диявол же «языка словянскаго не любит», а «латинскаго языка вседушне диявол любит»⁵⁰.

Западная Русь отвечала на поползновения «папешников» и других противников древнеславянского языка не только острым полемическим словом. Организация образования и просвещения, школ и типографий, создание грамматик, букварей и словарей, овладение риторикой и пиктикой, наконец, знание греческого и латинского языков повысили авторитет Западной Руси во всем «греко-славянском мире» и сделали ее в XVII в. одним из ведущих центров славянской книжности.

За сохранение церковнославянского языка выступали в ту пору и многие униаты, среди которых в первую очередь следует упомянуть Ипатия Потея. Обращаясь к кирилло-мефодиевскому вопросу, униаты, однако, пытались доказать зависимость моравской миссии от папской курии, а не от константинопольского патриарха. Так, например, Лев Кривза в своем сочинении «Оборона унии» (1617) писал: «Так что от католического, а не от схизматического патриарха и первое крещение Русь приняла, чему основным доводом служат деяния святых апостолов наших славянских Мефодия и Кирилла, которые, в то время когда Фотий в Константинополе восставал против папы, ездили за благословением в Рим...»⁵¹. «Таким образом из Рима от папы мы имеем службу божию и все отправление хвалы божией церковной, а не из Константинополя»⁵².

Мнение противников унии достаточно аргументировано, со ссылками на многочисленные исторические источники и сочинения польские, древнерусские и древнеславянские излагал Захарий Копыстенский в знаменитой «Палинодии, или книге Оборона кафолической святой апостольской Восточной церкви» (1621). В этой книге, в части III-ей, разделе I-ом, артикул второй носит весьма характерное заглавие: «Мефодий и Кириль отъ патріархи Константинопольского и отъ царя Михаила Парфирогене-

⁴⁷ «Nie tak w kościele Rzymskim! Wszytcy iednym ięzykiem co iedno nas katolików mowiemy, u w szkołach, akademiach, u w kościołach» (там же, стб. 486—487).

⁴⁸ И в а н В и ш е н с к и й. Сочинения. М.—Л., 1955, стр. 174.

⁴⁹ Там же, стр. 191.

⁵⁰ Там же, стр. 193—194.

⁵¹ «A iż od katolickiego, a nie schyzmatyckiego patriarchy u ten pierwszy krzew Ruś przyięła, wielkim dowodem iest sprawa świętych apostołów naszych Słowieńskich Metodego u Cyrilla, ktorzy, pod ten czas, gdy się Fociusz w Konstantynopolu buntował przeciw papieżowi, po błogosławieństwo iezdźili do Rzymu...» (РИБ, т. IV. Памятники полемической литературы в Западной Руси, кн. I. СПб., 1878, стб. 225).

⁵² «Z Rzymu tedy od papieża mamy służbę Bożą u wszystko odprawowanie chwały Bożej cerkiewne, a nie z Konstantinopola» (там же, стб. 226).

та посланы были до Словенскихъ народовъ, при которыхъ тогожь языка народове — Чехове, Моравяне, Ляхове и Угрове не отъ костела Латинского, але отъ столицы апостолской Константинопольской вѣру христіанскую первотне и съ початку приняли»⁵³. Копыстенский с удивительной для своего времени достоверностью излагает историю моравской миссии, а заключая описание путешествия Мефодия в Рим, отмечает: «Отколь ся и то ясне показуетъ, ижъ предъ тымъ папезове не уругалися Словенскому языку, и на вѣру народу того насилства не чинили, якъ нынѣ выродкове ихъ броятъ»⁵⁴.

* * *

Таковы основные черты и моменты борьбы восточных и южных славян за кирилло-мефодиевское наследие, борьбы за свой язык, за свою самобытную культуру и культурно-национальное единство. Кирилло-мефодиевская традиция сыграла большую, можно сказать, революционную роль в эпоху национального возрождения западных и особенно южных славян в XIX в.

Память Кирилла и Мефодия, первоучителей славянских, ныне с благодарностью и благоговением отмечает все современное славянство, весь культурный мир. Все люди доброй воли чтят более чем тысячелетний вклад славянских народов в сокровищницу мировой культуры, их неизменную верность идеям мира, просвещения и прогресса.

⁵³ РИБ, т. IV, стб. 986.

⁵⁴ Там же, ст. 988.

И. А. Хренов

ПЕРВАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1905—1907 гг. И ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ

Выдающимся историческим событием начала XX в. была первая русская революция. Революция 1905—1907 гг. расшатала устои царского самодержавия, нанесла удар по господству помещиков и капиталистов, оставила глубокий след на всем последующем историческом развитии.

Изучение истории революций и революционных движений вообще, истории русской революции 1905—1907 гг. и ее международного значения в особенности является важной задачей прогрессивных историков.

В. И. Ленин, повторяя неоднократно слова К. Маркса о революциях, как о локомотивах истории, говорил: «Революция — праздник угнетенных и эксплуатируемых. Никогда масса народа не способна выступать таким активным творцом новых общественных порядков, как во время революции. В такие времена народ способен на чудеса, с точки зрения узкой, мещанской мерки постепенного прогресса»¹. Придавая огромное значение революционному опыту масс, В. И. Ленин указывал, что необходимо позаботиться о том, чтобы «...народ знал эти полные жизни, богатые содержанием и великие по своему значению и своим последствиям дни»², призывал учиться у истории революции³, анализировать уроки опыта каждой отдельной революции⁴.

На рубеже XIX—XX вв. капиталистический мир вступил в новую фазу своего развития — в период империализма. Этот новый период в развитии капитализма был периодом дальнейшего обострения классовых противоречий, эпохой революционных потрясений и классовых битв. Важным историческим событием рассматриваемого периода был факт перемещения центра международного революционного движения из западноевропейских стран в Россию⁵. Это отмечал еще в самом начале XX в. бывший тогда марксистом К. Каутский. В статье «Славяне и революция», опубликованной в ленинской «Искре» в 1902 г., он писал, что «...центр тяжести революционной мысли и революционного дела все более

¹ В. И. Ленин. Две тактики социал-демократии в демократической революции. Соч., изд. 4, т. 9, стр. 93 (В дальнейшем все ссылки на работы В. И. Ленина даются по четвертому изданию Сочинений.— *Ред.*).

² В. И. Ленин. Против бойкота. Соч., т. 13, стр. 24.

³ В. И. Ленин. О некоторых чертах современного распада. Соч., т. 15, стр. 131.

⁴ В. И. Ленин. Государство и революция. Соч., т. 25, стр. 373.

⁵ Об этом см. в статьях: А. Ф. Остальцева и М. С. Персов. К вопросу о перемещении центра революционного движения в Россию. «Ученые записки Саратовского университета», т. 47, 1956; А. Л. Сидоров. К вопросу о перемещении центра международного революционного движения в Россию. «Первая русская революция 1905—1907 гг. и мировое революционное движение», ч. I, М., 1955.

и более передвигается к славянам»⁶. Одобрив не раз эту статью К. Каутского, В. И. Ленин отмечал, что активная роль в международном революционном движении перешла к русскому пролетариату⁷.

Первая русская революция развернулась в новую эпоху капиталистического развития, характерную превращением капитализма в империализм. К тому времени в России с наибольшей силой проявились все противоречия империализма. Именно в России созрели все условия для вспышки народной революции, последствия которой должны были сказаться во всем капиталистическом мире. Уроки напряженной классовой борьбы, которую рабочий класс России вел в период первой русской революции, облегчили ему победу над самодержавием и капитализмом в 1917 г.

* * *

Россия вступила на путь капиталистического развития позднее многих европейских стран. В экономике России к началу XX в. сохранились многие полукрепостнические и крепостнические пережитки. Одним из них было крупное помещичье землевладение, тормозившее развитие производительных сил страны. Положение народных масс было тяжелым. Рабочий класс страдал от нещадной эксплуатации капиталистов, трудовое крестьянство нищало и разорялось вследствие помещичьего гнета и кулацкой кабалы. Россия была многонациональной страной, где социальный и политический гнет сопровождался гнетом национальным. Все это вместе взятое значительно усиливало и обостряло социально-экономические и политические противоречия в стране. Вместе с этим решительно необходимо подчеркнуть, что условия, в которых вызревала буржуазно-демократическая революция в России, отличались от условий, в которых происходили прежние буржуазные революции в европейских странах.

В отличие от прежних буржуазных революций, совершившихся в странах Европы, где буржуазия выступала в роли прогрессивной силы, в русской буржуазно-демократической революции, вспыхнувшей в новых исторических условиях, руководящей силой, гегемоном революции стал рабочий класс. В самом деле, если ранние европейские буржуазные революции происходили в период мануфактурного развития капитализма, когда промышленный пролетариат еще не мог играть решающей роли, то революция 1905—1907 гг. началась в период развитого капитализма, с его машинной индустрией, обусловившей рост промышленного пролетариата, который стал самой революционной силой современного общества. Новые исторические условия, в которых вызревала и развертывалась народная революция в России, предопределили темпы роста революционного движения в стране, степень классовой сознательности пролетариата, сказались на средствах и методах революционной борьбы рабочего класса.

Своеобразие и отличительные черты первой русской революции состояли в том, что это была революция нового типа. По своему содержанию она была буржуазно-демократической революцией, а по средствам борьбы — пролетарской, где со всей силой проявилось революционное значение всеобщей политической стачки пролетариата; именно стачка, подчеркивал В. И. Ленин, представляла «...главное средство раскачивания масс и наиболее характерное явление в волнообразном нарастании решающих событий»⁸.

⁶ «Искра», № 18, 10 марта 1902 г.

⁷ В. И. Ленин. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. Соч., т. 31, стр. 6—7; В. И. Ленин. Третий Интернационал и его место в истории. Соч., т. 29, стр. 283.

⁸ В. И. Ленин. Доклад о революции 1905 года. Соч., т. 23, стр. 231.

Главным вопросом буржуазно-демократической революции в России был аграрно-крестьянский вопрос. Большевицкая партия во главе с В. И. Лениным считала, что народная революция должна была ликвидировать феодальные пережитки в социально-экономическом строе России, смести самодержавие и господство помещиков и создать условия для перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую революцию. В новых исторических условиях, которые предопределяли новые черты буржуазно-демократической революции, крестьянский вопрос не мог быть решен старыми методами. Помещичью землю и избавление от кабалы крестьянство не могло получить из рук буржуазии, как это было в ранних буржуазных европейских революциях, так как российская буржуазия в результате роста мощного пролетарского движения в стране все более склонялась в сторону самодержавия, превращаясь в контрреволюционную силу. Союзником и руководителем русского крестьянства в его освободительной борьбе становился пролетариат, заинтересованный в проведении до конца демократической революции, как этапа для перехода к революции социалистической.

Социальный антагонизм между пролетариатом и буржуазией в России был глубже и острее, чем это было в странах Европы в период буржуазных революций. Характерной особенностью русской буржуазии, обусловленной всем ходом исторического развития, была ее политическая дряблость, готовность пойти на соглашение с самодержавием, от которого она получала субсидии и крупные промышленные заказы.

Рабочее движение в России в конце XIX и начале XX вв. приобрело широкий размах. В это время огромное значение в революционной борьбе русского пролетариата стала играть массовая стачка, как средство революционной мобилизации широких рабочих масс.

Русский пролетариат, включаясь в буржуазно-демократическую революцию, имел уже свою революционную партию, вооруженную передовой революционной марксистской теорией. Все это обусловило роль пролетариата, как гегемона, как руководителя народных масс в их революционно-освободительной борьбе. Характеризуя задачи русского пролетариата в этот период, В. И. Ленин писал: «История поставила теперь перед нами ближайшую задачу, которая является *наиболее революционной* из всех *ближайших* задач пролетариата какой бы то ни было другой страны. Осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также (можем мы сказать теперь) и азиатской реакции сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата»⁹.

Первая русская революция оказала могучее воздействие на развитие революционного и национально-освободительного движения в капиталистических и колониально-зависимых странах.

Пролетариат зарубежных стран своим классовым чутьем оценил великое значение начавшейся в России революции для судеб своей революционно-освободительной борьбы. Массовые демонстрации и митинги, собрания и стачки солидарности с русской революцией широкой волной развернулись в европейских странах в январские дни 1905 г. Революционные выступления пролетариата зарубежных стран явились мощным протестом против кровавой расправы самодержавия над петербургскими рабочими.

Буржуазно-демократическая революция в России открыла новую страницу всемирной истории, положив начало подъему рабочего движения в Европе и национально-освободительного движения в Азии.

⁹ В. И. Ленин. Что делать? Соч., т. 5, стр. 345.

Отзвуки первой русской революции с особой силой сказались в странах Восточной и Юго-Восточной Европы, где, как в России, созрели условия для буржуазно-демократических революций. Революционное движение в зарубежных славянских странах, как и в других странах Европы, под воздействием первой русской революции поднялось на новую, более высокую ступень. Мощная волна революционных выступлений масс вспыхнула в Королевстве Польском и других польских землях, а также в Чехии и Словакии и югославянских землях. Социально-экономические условия в этих странах предопределяли историческую неизбежность общедемократических революций.

К началу XX в. в экономике Королевства Польского, входившего в состав Российской империи, сохранялись многие пережитки феодализма, тормозившие прогрессивное развитие страны. Здесь сохранилась крупная земельная собственность феодального происхождения. Достаточно сказать, что 6 тыс. помещиков владели около 40% земли, а на долю 1 100 тыс. крестьянских хозяйств приходилось 50% земли. Развитие капитализма в сельском хозяйстве еще более усилило эксплуатацию трудящихся масс польского крестьянства. Тяжелым бременем на плечи крестьянских масс ложились всевозможные подати. В то же время, несмотря на тормозы, стоявшие на пути экономического развития, в Королевстве Польском шло развитие капитализма.

К началу XX в. Королевство Польское было одним из наиболее промышленно-развитых районов царской империи. В ходе экономического развития страны здесь образовались три промышленных округа: Лодзинский, Варшавский и Домбровский, в которых была сосредоточена большая часть польского пролетариата. В Варшавской и Петроковской губерниях (куда входили Лодзинский и Домбровский промышленные округа) было сосредоточено 80% рабочих-металлистов, 95% текстильщиков и 90% рабочих, занятых в химической и бумажной промышленности. Положение рабочего класса было тяжелым. Вовлечение в производство женщин и подростков влияло на понижение заработной платы рабочих. В особенно тяжелом положении находились рабочие текстильной промышленности. Рабочий день на текстильных предприятиях достигал 12 часов. Высокая интенсивность труда вызывала частые заболевания и преждевременную смерть рабочих. В связи с экономическим кризисом 1900—1903 гг., вызвавшим дальнейшее ухудшение положения рабочего класса в Королевстве Польском, росло забастовочное движение. Стачечная борьба и национально-освободительное движение приобретало все больший размах и в польских землях, входивших в состав Австрии.

Чехия в рассматриваемый период являлась одной из наиболее экономически развитых областей Австро-Венгрии. Из общего числа 2 200 тыс. промышленных рабочих Австрии, 1 млн. приходился на Чехию, что составляло 42%. В чешских землях было сосредоточено 90% добычи каменного угля и 60% производства чугуна. В области сельскохозяйственного производства чешские земли занимали также важное место в Австро-Венгрии. На долю чешских земель приходилось 39% производства пшеницы, 44% ржи, 59% ячменя, 93% сахарной свеклы¹⁰.

Словакия, находившаяся в составе венгерской части двуединой монархии, продолжала быть отсталой аграрной страной с преобладанием крупного помещичьего землевладения. Если большая часть земли в Чехии находилась в руках австрийских магнатов, то в Словакии крупные земельные владения были в руках венгерских помещиков.

Стремление монополистического капитала к получению максимальной

¹⁰ «История Чехословакии», т. 2, М., 1959, стр. 166, 171.

прибыли усилило эксплуатацию рабочего класса. Рост эксплуатации рабочего класса сопровождался усилением политического и национального гнета трудящихся масс Чехии и Словакии. Экономический кризис 1900—1903 гг., охвативший экономику Австро-Венгрии, резко ухудшил положение рабочих масс чешских земель и Словакии. В результате в 1904 г. в Чехии усилилась стачечная борьба рабочего класса. Причем рабочие наряду с экономическими требованиями все более решительно стали выставлять требования политического характера, главным из которых было требование всеобщего избирательного права.

Югославянские народы — хорваты, сербы, словенцы, — в начале XX в. не имели своего единого государства. Хорватские, словенские и иные земли находились под властью Австро-Венгрии. В течение веков югославянские народы вели борьбу за свою независимость. В начале XX в. эта борьба приняла особо острый характер.

В Болгарии, в результате многовекового турецкого ига, экономическое развитие страны шло замедленно. Только после освобождения Болгарии от турецкого ига, в результате победы русской армии во время русско-турецкой войны, в стране начала развиваться промышленность. Рост капиталистической промышленности здесь сопровождался чрезмерной эксплуатацией рабочего класса, степень которой была выше, чем в западноевропейских странах¹¹.

В результате тяжелого положения рабочих масс и в Болгарии усилился рост забастовочного движения. Если за период 1897—1900 гг. в стране произошло 39 стачек, то за 1901—1903 гг. — 84 стачки, а за один 1904 г. — 67 стачек¹².

Таким образом, к началу XX в. в зарубежных славянских странах — Польше, Чехии и Словакии, южнославянских землях Австро-Венгрии, Болгарии — были налицо объективные социально-экономические предпосылки для роста революционного рабочего и национально-освободительного движения. Спецификой борьбы рабочего класса и трудового крестьянства в славянских землях за свое социальное освобождение было то, что эта борьба органически переплеталась с борьбой за национальную свободу.

Русская революция 1905—1907 гг. нашла мощный отклик в зарубежных славянских странах, она оказала большое влияние на подъем революционного и национально-освободительного движения.

Подъем революционной и национально-освободительной борьбы славянских народов открыл новый период буржуазно-демократических революций в Восточной и Юго-Восточной Европе и содействовал росту национального движения угнетенных народов.

Расстрел царскими войсками рабочей демонстрации на улицах Петербурга 9 (22) января 1905 г. вызвал волну протеста трудящихся масс России. События «Кровавого воскресенья» явились началом первой русской революции. По всей стране прокатилась мощная волна стачек, носивших политический характер. С особенной силой развернулось стачечное движение в национальных окраинах России (Прибалтика, Закавказье, а также в Королевстве Польском), где социально-политический гнет народных масс сопровождался национальным угнетением.

События 9 (22) января вызвали мощную волну протеста среди рабочих многих европейских стран. Отклики на «Кровавое воскресенье» в зару-

¹¹ «Работническо движение в България. Материали. Том първи. Положението на работническата класа в България», София, 1953, стр. 7—20.

¹² В. Хаджиников, Д. Младенов, М. Исусов, А. Георгиев, В. Василев. Стачните борби на работническата класа в България. София, 1960, таблицы 2 и 3.

бежных странах свидетельствовали о начале нового этапа в международном рабочем движении. В европейских странах прошла волна рабочих митингов, собраний, манифестаций, на которых принимались резолюции солидарности и приветствия русскому пролетариату.

На известие о кровавой расправе самодержавия над петербургскими рабочими польский пролетариат ответил всеобщей политической стачкой. В январские дни 1905 г. польский рабочий класс занял одно из первых мест в ряду революционных борцов, выступивших против самодержавия за социальное и национальное освобождение. Революционное движение в Королевстве Польском явилось составной, неотъемлемой частью общероссийской буржуазно-демократической революции. Революционная борьба польского пролетариата возглавила СДКПиЛ, которая неустанно призывала польский рабочий класс к тесному союзу с революционными силами России. Выполняя свой революционный и патриотический долг, СДКПиЛ подчеркивала, что только совместная с русским пролетариатом борьба против самодержавия прокладывает польскому народу путь к социальному и национальному освобождению.

Вспыхнувшая 13 (26) января всеобщая забастовка в Варшаве с быстротой молнии распространилась на всю страну. Вслед за Варшавой забастовали рабочие Лодзинского промышленного района и рабочие Домбровского бассейна. Почти месяц продолжалась политическая забастовка польского рабочего класса. Это была первая в истории польского пролетариата забастовка такого размаха, забастовка, в которой плечом к плечу боролись польские, еврейские и русские рабочие, забастовка, участие в которой принимали широкие массы рабочего класса. По примеру рабочего класса, стоявшего во главе революционного движения, в борьбу включались крестьянские массы, трудовая интеллигенция, учащаяся молодежь.

Борьба крестьян в Королевстве Польском в период революции 1905—1907 гг. выражалась в форме: 1) сельскохозяйственных забастовок, которые носили массовый характер; 2) борьбы крестьян, в том числе и середняков за лес, пастбища и луга; 3) борьбы крестьян за польский язык в суде, за демократизацию гмины.

В знак солидарности с русским пролетариатом, в связи с событиями 9 (22) января состоялись мощные рабочие демонстрации в Праге, Брно, Пльзене и других промышленных центрах Чехии, а также и в Словакии¹³. В Болгарии по призыву партии «тесных социалистов» была начата кампания по сбору средств в помощь русским революционерам¹⁴. В Сербии рабочие Белграда на митинге протестовали против злодеяний русского самодержавия и выступили в поддержку русских рабочих¹⁵. Собрания и митинги протеста состоялись в промышленных центрах южнославянских земель Австро-Венгрии.

Таким образом, начало первой русской революции нашло мощный отклик во всех славянских странах; пролетариат этих стран с горячим сочувствием отнесся к героической борьбе, начатой русским рабочим классом.

Особенно важное место в революции 1905—1907 гг. заняла массовая стачка, как средство мобилизации и политического воспитания широких рабочих масс. Огромную роль сыграла Иваново-Вознесенская стачка,

¹³ J. Doležal, J. Beránek. Ohlas první ruske revoluce v českých zemích. Praha, 1955, str. 68—72; M. Hrbek. Vliv prvej ruskej revolucie 1905—1907 na Slovenske robotnicke Rnutie. «Sovetská historie», Praha, 1955, N 1, str. 38—39.

¹⁴ В. Хаджиликолов. Отражението на първата руска революция в България. София, 1956, стр. 76—80.

¹⁵ Б. Павићевич. Одјек прве руске револуције у Србије. «Историски гласник», 1955, кн. 2, стр. 14.

происходившая в мае-июне 1905 г. В ходе стачки был создан совет уполномоченных, который фактически был одним из первых Советов рабочих депутатов в России.

Широкий размах стачечное движение весной 1905 г. приобрело в Королевстве Польском. В связи с Первомайским праздником бастовали рабочие Варшавы, Лодзи, Домбровского бассейна. Весной-летом 1905 г. центром революционного движения в Королевстве Польском стала Лодзь, где стачечное движение в июне переросло в вооруженное выступление пролетариата. В течение трех дней пролетарии Лодзи вели героическую борьбу против вооруженных сил самодержавия. Это было, по определению В. И. Ленина, первое вооруженное восстание рабочего класса в истории России. Хотя в основе своей восстание носило стихийный характер, оно имело огромное историческое значение. Вооруженное восстание лодзинских рабочих вписало славную, героическую страницу в историю борьбы польского рабочего класса. В. И. Ленин, характеризуя лодзинское восстание, писал: «...Рабочие, даже неподготовленные к борьбе, даже ограничивавшиеся сначала одной обороной, показывают нам, в лице пролетариата Лодзи, не только новый образец революционного энтузиазма и героизма, но и высшие формы борьбы»¹⁶. Иваново-Вознесенская стачка, в ходе которой был создан первый Совет рабочих депутатов, Лодзинское восстание, продемонстрировавшее высшие формы борьбы пролетариата, восстание на броненосце «Потемкин», сделавшее попытку создания ядра революционной армии, нашли широкий отклик в широких рабочих массах России. Все более широкие слои российского пролетариата втягивались в революционную борьбу.

Дальнейшее развитие революции в России весной и летом 1905 г. действовало подъему рабочего и национально-освободительного движения в Чехии и Словакии, Болгарии и югославянских землях.

В день 1 Мая состоялись массовые демонстрации под лозунгом требования всеобщего избирательного права в Праге, Брно, Пльзене, Кладно и других промышленных центрах Чехии¹⁷. Массовая демонстрация состоялась в Братиславе. Большое впечатление в зарубежных странах, и особенно в славянских, произвело восстание на броненосце «Потемкин». С получением известий о восстании революционных русских моряков, в Праге состоялся митинг, на котором с докладом о событиях в России выступил Богумир Шмераль, призвавший чешских рабочих бороться по русскому образцу. Слова докладчика сопровождалась возгласами из толпы: «Слава русской революции!», «Да здравствуют моряки броненосца Потемкин!». О влиянии русской революции на подъем рабочего движения Чехии говорила и резолюция, принятая на конференции чешской и австрийской социал-демократии 23 июля 1905 г. «Представители пролетариата обеих национальностей чешских земель с восхищением и великой надеждой в своих сердцах следят за борьбой русского и польского революционного пролетариата, героически борющихся против кровавого царизма, опоры и союзника всех эксплуататоров народов Европы. Социал-демократы чешских земель посылают своим русским и польским товарищам самые сердечные приветствия и выражения братской солидарности с ними»¹⁸.

Во всех промышленных центрах Болгарии состоялись Первомайские демонстрации, прошедшие под знаком братской солидарности с борю-

¹⁶ В. И. Ленин. Борьба пролетариата и холопство буржуазия. Соч., т. 8, стр. 502.

¹⁷ Я. Беранек, И. Долежал. Влияние русской революции 1905—1907 гг. на революционное движение в чешских землях. «Вопросы истории», 1955, № 11, стр. 96.

¹⁸ Там же, стр. 97.

щимся русским рабочим классом¹⁹. В революционную борьбу наряду с пролетариатом втягивались и другие прогрессивные слои народа. Против отечественной реакции в Болгарии выступили прогрессивные круги и болгарское студенчество. Так посланник Бахметьев 17 июля 1905 г. доносил из Софии: «В последние несколько недель вдруг ни с того ни с сего, собралось в Софии множество доселе неслыханных и невиданных „конгрессов“. Были съезды юристов, женщин, фельдшеров, священников, музыкантов, учителей, охотников...»²⁰. Все активнее в борьбу вступало прогрессивное студенчество. Тот же посланник сообщал: «То же поветрие еще ранее подуло и на молодежь. В университете пошли стачки, протесты, обструкции, сходки и пр. Как бы ни были снисходительны министр и профессора — пришлось уволить 400 студентов из 900»²¹. Как и в Чехии, в Болгарии большой отклик получило восстание на броненосце «Потемкин». После того, как революционные матросы с «Потемкина» прибыли в Румынию, трудящиеся Болгарии подняли свой голос в защиту потемкинцев, заявив о желании предоставить им место жительства в Болгарии. Протест трудящихся вынудил болгарское правительство отменить свое распоряжение о запрещении въезда в Болгарию потемкинцам, которые в составе 15 человек в октябре прибыли в Болгарию²². Массовый характер имели первомайские демонстрации этого года и в Сербии, проходившие под лозунгом солидарности с революцией в России²³. В течение 1905 года состоялись забастовки во многих городах хорватских земель — в Загребе, Осиеке, Земуне, Митровице и др.²⁴.

Одним из важных событий революции 1905—1907 гг. являлась всеобщая октябрьская политическая стачка, охватившая всю Россию вплоть до отдаленных ее районов. В стачке участвовало около миллиона промышленников рабочих. Стачка вынудила царское правительство пойти на уступки и выступить с манифестом, содержавшим обещание демократических свобод для народов России. Хотя царский манифест был лицемерным актом, рассчитанным на выигрыш времени, воспользовавшись которым самодержавие рассчитывало перейти в наступление против революции, однако эта уступка царизма свидетельствовала о серьезной победе революции над самодержавием.

Широкий отклик октябрьская всероссийская политическая стачка нашла среди польского пролетариата.

Стачное движение в Королевстве Польском достигло в октябрьские дни огромного размаха. По призыву СДКПиЛ 26 октября забастовали Варшава, Лодзь, Петроков, Люблин, Радом и др. промышленные центры Королевства. Подчеркивая значение выступления польского пролетариата этого периода, В. И. Ленин писал: «Геройская Польша снова уже встала в ряды стачечников, точно издеваясь над бессильной злобой врагов, которые мнили разбить ее своими ударами и которые только ковали крепче ее революционные силы»²⁵. Совместная борьба русского и польского пролетариата против самодержавия и социального гнета сделала их братьями по оружию. Когда в ноябре 1905 г. самодержавие объявило Польшу на военном положении, в защиту прав польского народа выступил

¹⁹ В. Х а д ж и н и к о л о в. Указ. соч., стр. 81—85.

²⁰ Архив внешней политики России (в дальнейшем — АВПР), Политархив, д. 1328, л. 98.

²¹ Там же, лл. 99—100.

²² В. Х а д ж и н и к о л о в. Указ. соч., стр. 86—88.

²³ «Први мај у Србији (1893—1914)», Београд, 1954, стр. 128—138.

²⁴ «Istorijski Arhiv komunističke partije Jugoslavije», Beograd, 1950, t. V, str. 79—80.

²⁵ В. И. Л е н и н. Всероссийская политическая стачка. Соч., т. 9, стр. 362.

русский рабочий класс. На заседании Петербургского совета рабочих депутатов 14 ноября выступили представители польского рабочего класса с призывами поддержать польский пролетариат «Я приехал сюда, говорю делегат Польши, — обратиться к русскому народу и только к русскому народу, а не к правительству. Я приехал, чтобы сказать, что поляки в этой борьбе не хотят чего-то особенного для себя; их требования есть требования и русского народа, и они хотят идти с ним рука об руку при отстаивании этих требований»²⁶. Слова братской дружбы и солидарности произнес в ответной речи представитель Петербургского совета: «Борьба польского и русского пролетариата, есть общая борьба под одним девизом: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“ То дело, за которое стоит польский пролетариат, есть и наше дело, и поэтому мы готовы протянуть руку польскому пролетариату для нашей общей борьбы»²⁷. Трудно найти другой документ, в котором бы так ярко были выражены чувства братской солидарности польского и русского пролетариата, в котором бы так ясно была выражена мысль о совместной их борьбе за социальное и национальное освобождение.

С особой силой развернулась борьба пролетариата Австро-Венгрии, в том числе Чехии и Словакии и югославянских земель, осенью 1905 г. за всеобщее избирательное право.

24 сентября под лозунгом требования всеобщего избирательного права состоялась многотысячная демонстрация в Праге, открывшая собою новый этап массовых выступлений чешского рабочего класса в его борьбе за политические права. В октябре прошли митинги и демонстрации по всей Чехии. В демонстрации, состоявшейся 10 октября в Праге, участвовало 100 тыс. человек²⁸. Манифест 17 (30) октября, вырванный революционными массами России у царизма, был воспринят в Чехии как победа русского рабочего класса. «Победа русской революции, — писала „Право народу“, — является и для нас сигналом к новому, возможно более стремительному натиску на сгнившее здание австрийской конституции». Здесь необходимо отметить, что рабочий класс Австро-Венгрии, не поняв истинного смысла маневра царского самодержавия с манифестом, расценил его как полную победу русского пролетариата.

Не ослабевала и стачечная борьба рабочего класса Болгарии. Так вице-консул доносил 22 декабря 1906 г. из Софии: «Вследствие отказа правительства увеличить содержание железнодорожным служащим последние под руководством социалистических депутатов объявили всеобщую забастовку»²⁹. Забастовка железнодорожников приняла широкий размах, вызвав большую тревогу господствующих классов. «Начавшаяся накануне рождества стачка железнодорожных служащих, — сообщал русский вице-консул, — представляется совершенно исключительным, доселе неизвестным в летописях Болгарии явлением»³⁰.

Движение за победу всеобщего избирательного права развернулось в ноябре 1905 г. и в словенских землях. Демонстрации и митинги прошли в Любляне, Триесте, Трбовле и других городах³¹. Стачечным движением был охвачен Белград и его окрестности. Так царский дипломатический агент 8 марта 1907 г. сообщал из Белграда: «...Последние волнения среди

²⁶ «Известия Совета рабочих депутатов», 1905, № 5.

²⁷ Там же.

²⁸ Я. Беранек, И. Долежал. Указ. статья, стр. 98—99.

²⁹ АВПР, Политархив, д. 1332, л. 72.

³⁰ Там же, д. 1331, л. 363.

³¹ «Zgodovinski Arhiv komunistične partije Jugoslavije», Beograd, 1951, tom V, str. 138. Об откликах на революцию в России в словенской печати см.: D. K e r m a n e r. Slovenska publicistika in prva ruska revolucija. Ljubljana, 1960.

рабочих в Болгарии получили отклик и здесь. Несколько более двух недель тому назад на сахарном и близлежащем кожевенном заводах забастовали рабочие, причем ими были предъявлены хозяевам требования не столько экономического характера, сколько принципиального свойства. Рабочие отрицали за фабрикантами право приема на службу лиц, не состоящих членами синдиката» (т. е. профсоюза.— И. Х.)³². Революционная борьба русского пролетариата, стачки солидарности рабочего класса ряда европейских стран, брожение и недовольство внутри Черногории, вынудили черногорского князя ввести в декабре 1905 г. в стране конституцию.

Вершиной русской революции 1905—1907 гг. было декабрьское вооруженное восстание в Москве. В течение девяти дней рабочие Москвы, показывая образцы мужества и героизма, вели баррикадные бои против вооруженных сил самодержавия. Но слабо вооруженные дружинники не смогли противостоять царским войскам. Вооруженное восстание в Москве с большой жестокостью было подавлено самодержавием. Самым главным уроком, который вынес пролетариат из опыта московского восстания, было то, что рабочему классу необходимо овладеть искусством вооруженного восстания, добиться перехода на сторону революции солдатских масс.

Сломив восстание в Москве, самодержавие бросило все силы на подавление очагов революции в остальных местах страны. В стране начали действовать карательные экспедиции и военно-полевые суды. Под натиском самодержавия рабочие массы России отступили с боями. Поражение декабрьского восстания, после чего революция в России пошла на убыль, сказалось на спаде волны революционного движения и в других районах страны.

С большой силой обрушилось самодержавие на польское революционное и национально-освободительное движение.

В Королевстве Польском было вновь введено военное положение, в крае свирепствовали военные суды. Польские фабриканты подняли голову и перешли в наступление против рабочих. В 1906 г. во многих отраслях промышленности были объявлены локауты. Однако польский пролетариат отступал перед натиском контрреволюции, как и пролетариат России, с боями. В 1906 г.—22 января (годовщина начала революции), в день Первого мая, 21 июня (в годовщину Лодзинского восстания) в ряде промышленных центров Королевства Польского состоялись демонстрации и стачки.

Рабочий класс Чехии и Словакии, Болгарии, Сербии и югославянских земель пришел к первой годовщине русской революции обогащенный опытом борьбы русского рабочего класса, опытом своей собственной борьбы.

Первая годовщина русской революции широко была отмечена в Чехии. В Праге и других городах состоялись митинги и демонстрации в честь русской революции. Не ослабевала борьба народных масс за всеобщее избирательное право. Под натиском борьбы масс в начале 1907 г. в Австро-Венгрии был введен закон о всеобщем избирательном праве³³. Хотя этот закон и не давал трудящимся полной политической свободы, тем не менее с введением его расширились демократические права народных масс, что было их несомненным успехом.

Не затухала борьба болгарского рабочего класса. В 1906 и 1907 гг. прошли массовые стачки в Софии, Варне, Бургасе, Русе и других городах страны.

³² АВПР, Политархив, д. 513, л. 35.

³³ С. В. О в н а н я н. Подъем рабочего движения в Австрии в 1905—1906 гг. М., 1957, стр. 215—230.

* * *

Одной из главных причин поражения первой русской революции было то, что в ходе ее не был осуществлен прочный союз рабочего класса и крестьянства, без чего революция не могла быть победоносной. Хотя пережитки крепостничества и унижение крестьянства толкали его на борьбу против существующего строя, однако крестьяне выступали нерешительно и распыленно.

Характеризуя борьбу крестьян, В. И. Ленин указывал: «К сожалению, крестьяне действовали слишком распыленно, неорганизованно, недостаточно наступательно, и в этом заключается одна из коренных причин поражения революции»³⁴. Недостаточно дружно действовали и рабочие. Хотя рабочий класс России был передовой силой революции, но в рядах партии рабочего класса не было единства. В то время как большевики проводили последовательную революционную линию, призывая массы к свержению самодержавия и установлению в стране демократических порядков, меньшевики своим соглашательством с буржуазией тормозили развитие революции и раскалывали ряды рабочего класса. На исходе революции сказалось и то, что самодержавие получило помощь и поддержку иностранных капиталистов, испугавшихся потери своих капиталовложений в России, распространения революции на Западную Европу.

Несмотря на поражение, первая русская революция имела громадное историческое значение в жизни народов России. За два с лишним года революции рабочий класс и крестьянство России прошли богатую школу политического воспитания, какую нельзя было пройти и за десятки лет мирного развития. Самодержавию был нанесен непоправимый удар. И хотя народные массы не одержали победы над самодержавием, тем не менее уроки революции явились тем фундаментом, опираясь на который русский пролетариат добился исторической победы над помещиками и капиталистами в 1917 г. Последующее развитие России шло под флагом нарастания новой революционной волны, под флагом сплочения революционных сил пролетариата.

Первая русская революция имела огромное международное значение, она вызвала широкий отклик на всем земном шаре, особенно в славянских землях.

Западноевропейское рабочее движение под влиянием первой русской революции, обогащенное ее ценнейшим опытом, поднялось на новую, более высокую ступень. Международный социализм сделал огромный шаг вперед, обострился процесс решительной схватки между трудом и капиталом.

Революция 1905—1907 гг. имела огромное влияние на подъем революционного и национально-освободительного движения в Польше: она показала, что революционно-освободительная борьба польского народа неразрывно связана с успехами победоносной революции в России. Героическая борьба польского рабочего класса, выступавшего против самодержавия и капитализма совместно с русским рабочим классом, была важным шагом на пути к социальному и национальному освобождению, к победе народной власти в Польше.

Революция 1905—1907 гг. оказала большое влияние на подъем и расширение революционной и национально-освободительной борьбы народных масс Чехии и Словакии, югославянских земель и Болгарии. Под влиянием русской революции, открывшей новый период буржуазно-демократических революций в Восточной Европе, была провозглашена конституция в Черногории, в Сербии были произведены изменения в

³⁴ В. И. Ленин. Доклад о революции 1905 года. Соч., т. 23, стр. 241.

пользу рабочих в области трудового законодательства. Опираясь на революционный опыт масс, на традиции революции 1905—1907 гг., коммунистические партии стран Юго-Восточной Европы привели народные массы к завоеванию народно-демократической власти.

Первая русская революция наглядно подтвердила, что центр мирового революционного движения переместился в Россию, а героический русский пролетариат стал в авангарде международного рабочего движения. В итоге первой русской революции международное рабочее движение обогатилось опытом революционной борьбы масс: опытом массовой политической стачки, как средства революционной мобилизации и политического воспитания масс, опытом вооруженного восстания, как высшей формы классовой борьбы пролетариата, опытом создания Советов рабочих депутатов, как прообраза государственной формы диктатуры пролетариата.

Первая русская революция имела историческое значение в подготовке Великой Октябрьской социалистической революции. В этом смысле В. И. Ленин писал, что «без «генеральной репетиции» 1905 г. победа Октябрьской революции 1917 г. была бы невозможна. В оценке буржуазно-демократической революции, совершающейся в эпоху империализма, В. И. Ленин исходил из новых исторических условий. Он не ставил китайской стены между буржуазно-демократической и социалистической революциями, как это делали меньшевики, а рассматривал их как два этапа единого революционного процесса. Ленинское учение о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую революцию блестяще подтверждено опытом революционного развития в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Народно-демократические революции этих стран переросли в социалистические революции, приведшие к полной победе рабочего класса, в союзе и под руководством которого трудящиеся успешно строят социализм.

А. Я. Манусевич

**ОКтяБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И НЕЗАВИСИМОСТЬ ПОЛЬШИ,
ЧЕХОСЛОВАКИИ И ЮГОСЛАВИИ**

(К историографии проблемы и задачам ее изучения)

Великая Октябрьская социалистическая революция положила начало новой эпохе в истории человечества — эпохе общего кризиса и крушения капитализма, эпохе строительства социализма и коммунизма. Влияние этой революции и вдохновивших ее идей социального и национального освобождения, братства и равноправия народов сказалось на развитии всех стран, на судьбах всего человечества.

Самый непосредственный и бурный отклик Октябрьская революция вызвала у трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы, что объясняется и географической близостью стран Центральной и Юго-Восточной Европы к стране победившей пролетарской революции, схожестью экономического и политического положения трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы с положением трудящихся России. Как перед одними, так и перед другими объективно стояли сходные в основных чертах исторические задачи ликвидации абсолютизма и других пережитков феодализма, ликвидации капитализма.

Для славянских народов Центральной и Юго-Восточной Европы влияние Октябрьской революции существенно усиливалось давними революционными связями русского рабочего движения с польским, сербским, болгарским, чешским, словацким рабочим движением, культурной и языковой близостью славянских народов. К тому же, многие тысячи польских, чешских, словацких, болгарских, югославских трудящихся, которых первая мировая война привела на территорию России, приняли деятельное и непосредственное участие в борьбе за победу и утверждение Советской власти в России, а затем перенесли приобретенный ими революционный опыт в свои страны.

Но Октябрьская революция не только оказала решающее воздействие на развитие рабочего и национально-освободительного движения во всем мире. Она в корне изменила самое соотношение сил эксплуататоров и эксплуатируемых, положила конец безраздельному господству капитализма и превратила идеи марксизма-ленинизма в великую материальную силу первого пролетарского государства. Игнорировать эту силу, ее международную роль и значение не могли даже самые крупные империалистические державы. Поэтому, перекраивая после первой мировой войны карту подвластной империалистам части земного шара, они и тут были вынуждены считаться с фактом существования Республики Советов и вдохновленного ею революционно-освободительного движения. Хотя Версальский мир 1919 г. и вся связанная с ним система договоров были

продиктованы волей держав-победительниц, однако самим победителям пришлось не только согласовывать свои планы и взаимные претензии, но и считаться с влиянием Октябрьской революции. Именно победа Октябрьской революции, а никак не политика держав-победительниц в первой мировой войне сделала возможным появление на политической карте Европы независимых Польского, Чехословацкого и Югославского государств.

* * *

Между тем, буржуазная историография, при всем многообразии составляющих ее школ и течений, сходилась на том, что отрицала закономерность Октябрьской революции, искажала ее социалистический характер, игнорировала ее переломную роль в мировой истории. Буржуазная историография замалчивала то бесспорное положение, вытекающее даже из анализа официальных документов всех империалистических держав, их договоров и деклараций, мемуаров их руководителей, а также и из исследований ряда буржуазных историков, что без победы социалистической революции в России Польше предстояло оставаться либо под властью Германии и Австро-Венгрии, либо под властью русского царизма, а Чехословакии и югославянским землям монархии Габсбургов победа Антанты сулила в лучшем случае перестройку двуединой монархии на федеративных началах. Более того, буржуазная историография не только игнорировала причинную связь между Октябрьской революцией и образованием в 1918 г. Польши, Чехословакии, Югославии, но и пыталась представить события таким образом, будто появление новых славянских государств связано не с победой Октября, а как раз с борьбой против Октябрьской революции и развернувшегося во всем мире под ее непосредственным воздействием революционного движения.

Когда Польша и Чехословакия стали независимыми и образовалась независимая Югославия, оказавшиеся у власти в этих странах классы и партии стали утверждать, что освобождение польского, чехословацкого, югославского народов от чужеземного ига является результатом как их политики, так и «освободительной» миссии, якобы осуществлявшейся державами, вышедшими победительницами в империалистической войне 1914—1918 гг. При этом, поскольку лидерства в капиталистическом мире стали открыто добиваться США, а часть господствующих классов вновь образовавшихся славянских государств оказалась в большой зависимости от них, круги, правившие в межвоенные годы в Югославии, Польше и особенно в Чехословакии, с особым усердием раздували легенду о якобы исключительной роли США и их президента периода первой мировой войны Вудро Вильсона в судьбах западных и южных славян. «Чехословакия является страной Вильсона», — говорил ее первый президент Томаш Гаррик Масарик¹. «Союзники победили Германию и Австрию, — писал Масарик в своей основной работе, посвященной образованию Чехословакии, — и этим сделали возможность и завоевали нам нашу независимость»². Подобные же взгляды развивал и Эдуард Бенеш³.

В обширной работе «Польская политика и восстановление государства» Роман Дмовский, вместе с Игнацием Падеревским от имени Польши подписавший Версальский договор, также говорил о решающей роли западных держав в государственном возрождении Польши. «Восстановление Польши, — писал он, — это жатва без соответствующих усилий с нашей стороны... Мы могли добиться независимости не собственными силами,

¹ J. H á j e k. Wilsonovská legenda v dějinách ČSR. Praha, 1953, str. 14.

² Т. Г. М а с а р и к. Мировая революция, т. II, Прага, 1927, стр. 196.

³ Ed. B e n e š. Světová válka a naše revoluce, d. I-III. Praha, 1935.

а только при чьей-либо могущественной поддержке, поэтому наша независимость была возможна лишь в той мере, в какой существование Польского государства было необходимо для того, кто мог восстановить его»⁴.

Несколько более сдержанно в адрес своих западных союзников и покровителей высказывались правящие круги Югославии. Их сдержанность определялась не трезвой оценкой политики держав-победительниц, а глубоким недовольством тем, что эти последние потворствовали Италии в начале ею в ноябре 1918 г. захвате ряда югославянских земель. Поэтому уже в акте провозглашения Королевства сербов, хорватов и словенцев, принятом 1 декабря 1918 г., хотя и говорится о том, что Вильсоном возведены «начала народного самоуправления», но одновременно указывается на грубое нарушение этих начал, так как «большие и драгоценные части нашей (Югославской.— А. М.) национальной области оккупированы войсками королевства Италии»⁵.

Позиция польских, югославских, чехословацких правящих кругов в вопросе о происхождении независимости Польши, Югославии и Чехословакии определила самое существенное и основное в освещении подавляющим большинством направлений польской, югославской и чехословацкой буржуазной историографии вопроса о том, что вызвало к жизни в 1918 г. эти государства. Отрицая переломную роль Октябрьской революции, буржуазная историография вместе с тем отрицала решающую роль революционных народных масс, рабочих и крестьян,— чехов и словаков, поляков и югославов в национально-освободительной борьбе.

Чехословацкая буржуазная и социал-демократическая историография считала, что вслед за западными державами героями образования Чехословакии являлись лидеры так называемого заграничного сопротивления — Т. Г. Масарик, Э. Бенеш, Милан Ростислав Штефанек и «государственные деятели» 28 октября — Антонин Швегла, Алоис Рашич, Франтишек Соукуп и др. Типичным для чехословацкой буржуазной историографии панегириком в честь Вильсона, Масарика и Бенеша была весьма распространенная в свое время книга Ф. В. Крейчи «Наше освобождение»⁶.

Всякие попытки более обстоятельного рассмотрения причин и условий образования Чехословакии сводились буржуазными историками и публицистами к спорам об особых заслугах в деле национального освобождения того или иного крыла чешской и словацкой буржуазии. Например, в 1924 г. в связи с появлением статьи Виктора Дыка, явившейся основой его опубликованной три года спустя книги о рождении Чехословакии, направленной против преувеличения «заслуг» так называемого заграничного сопротивления⁷, с острыми нападками на буржуазных политических конкурентов Масарика выступили публицисты и историки, отражавшие интересы масариковско-бенешевского Града. Появление в 1928 г. промасариковской книги Вавро Шробара об освобождении Словакии от ига венгерских магнатов⁸ вызвало бурные споры между бывшими гласными, людацкими деятелями и представителями других течений словацкой буржуазной политической жизни. Ряд сведений, раскрывающих подлинную политику «государственных деятелей» 28 октября, содержится в последнем томе работы консервативного историка Зденека Тоболки⁹.

⁴ R. D m o w s k i. *Polityka Polski i odbudowa państwa*. Warszawa, 1926, str. 255.

⁵ «Dokumenti o postanku Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca. 1914—1918». *Sabrao ih Ferdo Šišić*. Zagreb, 1920, str. 280—281.

⁶ F. V. K r e j č i. *Naše osvobození*. Praha, 1919.

⁷ V. D y k. *Vzpomínky a komentáře*. Praha, 1927.

⁸ V. Š r o b á r. *Osvobodené Slovensko*. Praha, 1928.

⁹ Z. T o b o l k a. *Politické dejiny československého národa od r. 1848 až do dnešní doby*, d. IV. Praha, 1937.

Однако буржуазные участники многочисленных дискуссий не выходили за пределы спора о результативности политики той или иной политической группы. Исходным и общим в их позициях были утверждения о решающей роли западных держав в создании Чехословакии.

В тех немногих случаях, когда наиболее прогрессивные чехословацкие буржуазные авторы, как, например, Ян Опоченский, пытались шире и глубже уяснить внешнеполитические условия образования Чехословакии, они в лучшем случае говорили о равноценном значении «национально-освободительной» программы Вильсона и идей Великой Октябрьской социалистической революции¹⁰ и признавали сам факт влияния Октября и вернувшихся из России чешских военнопленных на антигабсбургские выступления¹¹.

В социал-демократической литературе влияние Октября сводилось лишь к усилению борьбы за мир, за окончание войны¹². В тех же случаях, когда социал-демократические историки отмечали решающее значение позиции и борьбы рабочего класса для утверждения независимости Чехословакии, они немедля обрушивались с критикой на «экстремистские» элементы, т. е. на революционное направление, борьба которого под воздействием Октября именно и обеспечила утверждение чехословацкой независимости¹³.

Что касается югославской историографии межвоенного периода, то в своих общих установках она мало отличалась от чехословацкой историографии. В соответствии с внутренними условиями, членение здесь в основном шло по линии борьбы великосербского и хорвато-словенского направлений. Первое из них, наиболее авторитетно представленное Миланом Джорджевичем, решающую роль в образовании Югославии отводило сербскому королевскому правительству и сербской армии¹⁴, второе — стремилось выпятить роль хорвато-словенской буржуазии, а также созданного ею Югославянского комитета в Лондоне¹⁵.

Если социал-демократические авторы влияние Октября на Югославию изображали, подобно Витомиру Корачу, как фактор, возбудивший безответственные и авантюристические элементы¹⁶, то либеральные историки великосербского и хорвато-словенского направлений не могли не признать, что само образование Югославии происходило под знаком революционных процессов, усиленных воздействием революционного примера России. Спешку со сколачиванием в конце 1918 г. Королевства сербов, хорватов и словенцев, когда и хорватская, и словенская буржуазия, и черногорские правящие круги существенно попустились своими позициями в пользу сербской буржуазии, и все они совместно пообещали провести аграрную реформу, такой видный буржуазный историк, как хорват А. Хрибар, объяснял поисками радикального «средства от большевизма»¹⁷.

Сербский историк Мита Димитриевич объяснял сербско-хорватский компромисс «опасностью большевизации страны»¹⁸. В отличие от подав-

¹⁰ J. O p o č e n s k y. 14 říjen 1918. «Naše revoluce», III, str. 326.

¹¹ J. O p o č e n s k y. Konec monarchie rakousko-uherské, Praha, 1928. 7

¹² F. r. S o u k u p. 28 říjen 1918, d. II. Praha, 1928, str. 951.

¹³ J. K o u d e l k a. Československá sociální demokracie v československé revoluci. Plzeň, 1920.

¹⁴ М и л а н П. Ђ о р ђ е в и ч. Србија и југославени за време рата 1914—1918. Београд, 1923.

¹⁵ В. V o š n j a k. Jugoslovanski odbor v Londonu. Ljubljana, 1940.

¹⁶ В. К о р а ć. Povjest radničkog pokreta u Hrvatskoj i Slavonii, kn. 1. Zagreb, 1929.

¹⁷ А. Н р и б а р. Agrarna reforma. Zagreb, 1924, str. 107.

¹⁸ М. Д и м и т р и е в и ч. Ми и Хрвати. Београд, 1939, стр. 136.

ляющего большинства югославских буржуазных историков, М. Димитриевич не только не подчеркивал мифических заслуг США перед народами Югославии, но отмечал большое влияние на борьбу против господства Габсбургов русской революции, ее принципов мира без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения народов¹⁹.

Наиболее значительные представители довоенной польской буржуазной историографии — Мариан Сейда, Станислав Кутшеба и другие — развивали взгляды, в основном исходившие из концепции Р. Дмовского. «Из Америки впервые прозвучал лозунг восстановления объединенной и независимой Польши», — вопреки фактам утверждал С. Кутшеба²⁰. Более обстоятельный М. Сейда не оставляет без внимания события русской революции, но в силу своей классово-политической позиции также оказывается не в состоянии раскрыть процессы, обусловившие восстановление Польши в 1918 г.²¹

В межвоенной польской буржуазной историографии с течением времени все большее место стало занимать направление, представленное пилсудчиками и их правосоциалистическими союзниками. Военный и политический союз с австро-германскими империалистами в годы первой мировой войны они выдавали за проявление высокой политической мудрости, обеспечившей провозглашение германскими и австро-венгерскими властями 5 ноября 1916 г. образованного из части отвоеванных у царизма польских земель «самостоятельного» Польского государства, связанного «союзом» с Германией и Австро-Венгрией. В письме к одному из своих ближайших соратников Эдварду Рыдз-Смиглому, Ю. Пилсудский назвал акты 5 ноября 1916 г. «триумфом нашей идеи»²². На самом же деле германское военное командование, задыхавшееся от недостатка в рекрутах, в своей затее с «самостоятельностью» Польши руководствовалось, как писал Эрик Людендорф, «железными требованиями войны на человеческий материал»²³.

Несмотря на то, что по мере появления в печати многочисленных дневников, записок, воспоминаний германских и австро-венгерских военных и политических деятелей периода первой мировой войны²⁴ становилось все труднее и интерпретировать антипольские акты 5 ноября 1916 г. как проявление пропольской политики Германии и Австро-Венгрии, в работах польских буржуазных историков все еще повторялось утверждение, будто начало польской независимости восходит к ноябрьским обращениям германского и австрийского императоров. Цезарь Березовский, автор обширной монографии об образовании Польши, писал, например, в 1934 г., когда тень гитлеровской свастики стала уже нависать над Польшей: «Началом Польского государства был акт обоих императоров от 5 ноября 1916 г.»²⁵ Подобные же положения развивали в своих работах

¹⁹ Там же, стр. 96—99.

²⁰ St. Kutrzeba. Polska odrodzona. 1914—1922. Kraków, 1922, str. 68.

²¹ M. Seyda. Polska na przełomie dziejów, t. I—II. Poznań, 1931.

²² J. Piłsudski. Pisma zbiorowe, t. IV. Warszawa, str. 192.

²³ Э. Людендорф. Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг., т. I. М., 1923, стр. 31.

²⁴ Кроме указ. соч. Э. Людендорфа, см. также: A. von Tirpitz. Deutsche Ohnmachtpolitik im Weltkriege. Hamburg, 1926; T. von Bethman-Holweg. Betrachtungen zum Weltkriege, BB. I—II. Berlin, 1919—1921; K. Helfferich. Der Weltkrieg. Berlin, 1919; O. Czernin. Im Weltkriege. Berlin-Wien, 1919; «Deutschland und Polen. Beiträge zu ihren geschichtlichen Beziehungen». München-Berlin, 1933.

²⁵ C. Berzowski. Powstanie państwa Polskiego w świetle prawa narodów. Warszawa, 1934, str. 32.

многие публицисты и историки, принадлежавшие к Польской социалистической партии²⁶.

Наряду с проантантовской и противостоящей ей прогерманской концепциями происхождения независимости Польши в 1918 г. в польской историографии бытовало и эклектическое направление, утверждавшее, что и политика центральных держав и политика США привели к тому, что свобода досталась Польше «как созревший плод с дерева»²⁷. Эта эклектическая линия весьма характерна и для современной польской эмигрантской историографии²⁸.

Естественно, что и в польской межвоенной буржуазной историографии отдельные лица и целые школы отдавали себе отчет в несостоятельности построений, выдвигавшихся двумя главными направлениями буржуазной политической мысли. С негодованием писал глава либеральной школы Марцели Хандельсман о тех, для кого «возникновение Польского государства является делом исключительно чужих рук, делом победителей и ничем другим, без малейшего активного участия польского народа»²⁹. Но ни М. Хандельсман, ни левый социалист Адам Прухник, писавший, что восстановление польской государственности явилось не результатом воли той или иной группы государств, а «следствием самого исторического процесса»³⁰, так и не смогли понять самую суть того исторического процесса ликвидации социального и национального гнета, начало которому положила победа Великой Октябрьской революции.

Таким образом, ни чехословацкая, ни югославская, ни польская буржуазная и реформистская историография так и не смогли выдвинуть сколь-нибудь убедительных объяснений того, почему же в 1918 г. обрели независимость Польша, Чехословакия и Югославия.

* * *

Если немецкая буржуазная историография никак не могла претендовать на то, чтобы представить в качестве соучастников создания Чехословакии и Югославии правящие круги Германии, вынашивавшие планы своего господства над всей «Срединной Европой» от Балтики до Средиземного моря, то она с особым усердием пыталась доказать, что восстановление независимости Польши является прежде всего результатом политики кайзеровского правительства. Это положение, типичное для всей немецкой межвоенной буржуазной литературы, весьма обстоятельно пытался обосновать Вальтер Рекке³¹. Другой известный буржуазный немецкий историк, Пауль Рот, расценивает акты 5 ноября 1916 г. как решающий вклад в восстановление независимости Польши³². Западногерманский историк Ганс Роос, осудивший гитлеровскую политику в отношении Польши и антипольскую политику гитлеровских предшественников, также исходит из того, что именно ноябрьские акты 1916 г. поло-

²⁶ Z. Z a r e m b a. PPS w Polsce niepodległej. Zarys historii ruchu robotniczego w Polsce od 1918 do 1933. Warszawa, 1934; M. N i e d z i a ł k o w s k i. Położenie międzynarodowe Polski i polityka socjalizmu polskiego. Warszawa, 1925; «Księga jubileuszowa PPS. (1894—1932)», Warszawa, 1933.

²⁷ «Piętnaście lat państwa Polskiego». Praca zbiorowa. Warszawa, 1933, str. 16.

²⁸ W. P o b ó g - M a l i n o w s k i. Najnowsza historia polityczna Polski (1864—1945), t. I. Paryż, 1953; T. K o m a r n i c k i. Rebirth of the Polish Republic. A study of the Diplomatiс History of Europe. 1914—1920. London, 1957.

²⁹ «Niepodległość», 1930, t. III, zeszyt, I (15), str. 21—22.

³⁰ A. P r ó c h n i k. Pierwsze piętnaścielecie Polski Niepodległej. Warszawa, 1957, str. 11.

³¹ W. R e c k e. Die polnische Frage als Problem der europäischen Politik. Berlin, 1927.

³² P. R o t h. Die Entstehung des polnischen Staates. Berlin, 1926.

жили начало независимости Польши. Это он подчеркивает и тем, что в самом названии книги рассматривает 1916 г. как начальную границу новейшей истории Польши³³.

Если до второй мировой войны немецкая буржуазная историография утверждала, что основы польской независимости были заложены именно Германией, а также ее союзницей Австро-Венгрией, то в послевоенной буржуазной историографии, в порядке, видимо, уступок старшему партнеру, проявилась некоторая готовность признать якобы благотворную, хотя и случайную роль США в истории польского народа. Такого рода положения содержатся, в частности, в тезисах по истории польско-германских отношений, выработанных группой западногерманских историков во главе с Энно Мейером³⁴. Восстановление Польского государства в 1918 г. сводилось в этих тезисах к благоприятной военно-политической конъюнктуре и «благожелательству» США.

Вместе с тем, в современной буржуазной западногерманской историографии наблюдаются попытки более серьезного анализа германской политики в отношении Польши в годы первой мировой войны. В этой связи может быть названа работа Имануила Гайсса «Польский пограничный пояс в 1914—1918 гг. как повод немецкой политики в первой мировой войне». Опираясь на солидную архивную базу, И. Гайсс показал, что в цели политики кайзеровской Германии входило не восстановление польской государственности, а прямой захват абсолютно всех польских земель и последующее выселение коренного населения за пределы польской этнической области. И. Гайсс справедливо утверждает, что гитлеровцы явились прямыми продолжателями антиславянской и особенно антипольской политики кайзеровской Германии. С подтверждением выводов И. Гайсса выступил другой западногерманский историк, Фридрих Фишер³⁵.

Интересные в своей критической части, эти работы, однако, не приближают читателя к правильному представлению об источниках независимости Польши, Чехословакии и Югославии. Еще в большей мере далеки от истины глубоко антиславянские и реакционные писания, выходящие из-под пера большей части «остфоршеров».

Научно обоснованный ответ на вопрос о происхождении независимости Польши и двух других славянских государств, возникших в 1918 г., отсутствует также и во французской, английской и американской буржуазной историографии. Из очень большого числа работ, затрагивающих рассматриваемые вопросы, практически можно остановиться лишь на нескольких книгах, представляющих наиболее типичными.

Для французской буржуазной исторической литературы, относительно сдержанно рисующей роль США в европейских делах, характерным является подчеркивание того вклада, который якобы внесла Франция в дело утверждения независимости славянских стран. При этом либо упускается, либо искажается все, что свидетельствует о самой низкой, самой гнусной торговле судьбой западных и южных славян, которую империалистическая Франция вела на протяжении всей войны не только в сделках

³³ H. R o o s. Geschichte der polnischen Nation. 1916—1960. Stuttgart, 1961.

³⁴ E. M e y e r. Über die Darstellung der deutschen-polnischen Beziehungen im Geschichtsunterricht. Sonderdruck aus dem «Internationalen Jahrbuch für Geschichtsunterricht». Braunschweig, 1956. Критику этих тезисов см.: «Kwartalnik historyczny», 1957, N 2, str. 190—196; «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1957, H. 6, S. 1390—1319.

³⁵ J. G e i s s. Der polnische Grenzstreifen 1914—1918. Ein Beitrag zur deutschen Kriegspolitik im ersten Weltkrieg. Lübeck-Hamburg, 1960. Книга И. Гайсса стала предметом нападок не только со стороны реваншистских листов, но и официального правительственного бюллетеня ФРГ. «Aussenpolitik», 1961, N 7; «Geschichte in Wissenschaft und Unterricht», 1961, N 7, 1962, N 1.

со своей союзницей царской Россией, но и в тайном торге со своим противником в войне — Австро-Венгрией. В то же время поддержка Францией, как и другими империалистическими державами, польских, чехословацких, югославских антисоветских контрреволюционных элементов, равно как и усилия, затраченные ею на то, чтобы превратить образовавшиеся в 1918 г. Польшу, Югославию, Чехословакию в звенья антисоветского «санитарного кордона» и в опорные пункты борьбы за французскую гегемонию в Европе, бесосновательно изображаются буржуазными историками как политика поддержки освободительных стремлений польского и других народов. Союз империалистической Франции с силами реакции в славянских государствах французская буржуазная историография выдает за союз с самими славянскими народами. Эта несостоятельная подмена служит основой столь же несостоятельных рассуждений о якобы освободительной политике, проводившейся Францией в годы первой мировой войны.

Ни такие общие работы, как исследования Поля Ренувена, ни специальные труды, вроде книг «Восстановление Польши и европейская дипломатия» Иозефа Блоцишевского, «Формирование Югославии» Эмиля Омана, «История Югославии» Марселя де Во и др.³⁶, не дали ответа на вопрос о происхождении независимости западнославянских государств и Югославии, так как их авторы чужды какому-либо пониманию исторического места Октябрьской революции во всемирной истории. Э. Оман и де Во вообще не считают нужным отметить даже сам факт революции. Первый пишет лишь о том, что создавшиеся в стране партизанские отряды («зеленые кадры») «угрожали Хорватии большевистской революцией»³⁷, второй — о том, что после ликвидации в октябре 1917 г. русского фронта многие дезертировавшие солдаты «занесли в Хорватию, Славонию и Воеводину фермент большевистской революционности»³⁸.

Гораздо ближе к правильной оценке значения Октябрьской революции для судеб всего человечества и, в частности, в истории Польши, Югославии и Чехословакии, работы представителей либерального направления французской историографии — Анри Роллена³⁹, Ж. Вельтера⁴⁰ и особенно Мориса Крузе. Последний, подчеркивая, что Октябрьская революция расколола мир на два лагеря, отмечает, что все последующие события, в том числе и образование в 1918 г. Польского, Чехословацкого и Югославского государств, были тесно связаны с революционизирующим воздействием на народы всего мира политики Советской России⁴¹.

В английской буржуазной историографии стремление как-то объяснить связь победы Октябрьской революции с получением независимости Польшей, Чехословакией и Югославией также проявилось не в специальных исследованиях по истории славянских народов, а в работах, посвященных русской революции. Так, в книге Эдварда Карра «Большевистская революция», разумеется, с оговорками, признается большое значение для развития всей международной обстановки, для решения острых

³⁶ P. R e n o u v i n. La crise européenne et la grande guerre. Paris, 1939; e г о ж е. Les crises du XX siècle. Paris, 1927; I. B l o c i s z e w s k i. La restauration de la Pologne et la diplomatie européenne. Paris, 1927; E. H a u m a n t. La formation de la Yougoslavie. Paris, 1930; M. d e V o s. Histoire de la Yougoslavie. Paris, 1955.

³⁷ E. H a u m a n t. Указ. соч., стр. 723.

³⁸ M. d e V o s. Указ. соч., стр. 100.

³⁹ H. R o l l i n. La révolution russe, v. I—II. Paris, 1931.

⁴⁰ G. W e l t e r. Histoire de la Russie communiste. 1917—1935. Paris, 1935; e г о ж е. Histoire de Russie des origines à nos jours. Paris, 1946.

⁴¹ «Histoire générale les civilisations publiée la direction de Maurice Czouzet, t. II. L'époque contemporaine. A la recherche d'une civilisation nouvelle», Paris, 1957.

вопросов современности ленинского Декрета о мире, провозгласившего принципы свободы и независимости всех народов ⁴².

В специальных работах, относящихся к истории Польши, Югославии и Чехословакии, появление на карте Европы в 1918 г. новых славянских государств представлено как результат верхушечных соглашений и преобразований и «благотворной» роли правящих кругов Великобритании. Это относится и к многочисленным сочинениям Роберта Уильяма Ситона-Уотсона, не только писавшего о тяжелом положении угнетенных народов монархии Габсбургов, но и принимавшего весьма деятельное участие в определении английской политики в этом районе ⁴³, и к сочинениям Генри Уикэма Стида, резко критиковавшего политику Габсбургов в отношении славянских народов ⁴⁴.

Примерно в таком же духе выполнено весьма обстоятельное исследование итогов первой мировой войны, предпринятое большой группой английских ученых под руководством Темперлея ⁴⁵. Игнорирование Октябрьской революции и антисоветская направленность, свойственные работам Темперлея и его сотрудников, особенно заметно сказались в «Кембриджской истории Польши», подготовленной группой английских и реакционных польских историков ⁴⁶.

Среди работ, выпущенных буржуазными историками США, преобладают книги провильсоновского направления, изображающие президента США глашатаем свободы и творцом независимости Польши, Чехословакии и Югославии. Легенда о Вильсоне, как об «апостоле мира», «друге» славянских и иных народов, нашла наиболее навязчивое выражение в многочисленных работах Чарльза Сеймура ⁴⁷, особенно хорошо известного своим подтасованным изданием документов полковника Хауза, в многотомной биографии Вильсона, написанной Реем Станнирдом Бейкером ⁴⁸, и других. В вопросах, касающихся восстановления независимости Польши, вильсоновская легенда проходит красной нитью в книге Гарольда Фишера «Америка и новая Польша» ⁴⁹; те же положения характерны для книги С. Гарисона Томсона о происхождении независимости Чехословакии ⁵⁰ и для многих других работ американских буржуазных историков.

Новая полоса усиленного раздувания вильсоновской легенды, связанная с отмечавшимся в 1957 г. 100-летием со дня рождения президента США, пополнила американскую историографию такими «произведениями», как «Вудро Вильсон — пророк Америки», «Вудро Вильсон — пророк мира» Артура Уэлзуэрта ⁵¹ и другие. Даже названия этих книг раскрывают не только их тенденциозность, но и убожество и обветшалость развешиваемых их авторами идей. Эти же идеи легли в основу книги Виктора

⁴² E. H. Carr. The Bolshevik revolution. 1917—1927, v. III. London, 1953.

⁴³ R. W. Seton-Watson. A History of the Czechs and Slovaks. London 1943; его же. Masaryk in England. Cambridge, 1943.

⁴⁴ H. W. Steed. Thought Thirty Years. 1892—1922, v. II. London, 1924.

⁴⁵ «A history of the Peace Conference of Paris». Ed. by Temperley, tt. I—VI, London, 1920—1924.

⁴⁶ «The Cambridge History of Poland», Cambridge, 1941.

⁴⁷ C. Seymour. American Diplomacy during the World War. Baltimore, 1934; его же. American Neutrality. Essays on the Causes of American Intervention in the World War. New Haven, 1935.

⁴⁸ R. Baker. Woodrow Wilson: Life and Letters, v. I—VIII. New York, 1927—1939. См. также: «Вудро Вильсон. Мировая война. Версальский мир. По документам и запискам председателя Американского комитета печати на Версальской конференции Бейкера». М.—Пр., 1923.

⁴⁹ H. H. Fisher. America and the New Poland. New York, 1928.

⁵⁰ S. H. Thomson. Csechoslovakia in European History. Princeton, 1953.

⁵¹ A. Walworth. Woodrow Wilson, v. 1—II. New York, 1958.

Мэмэти, посвященной политике США в отношении Центральной и Восточной Европы в 1914—1918 гг. Филадельфийский профессор представляет Вильсона как «защитника малых народов и угнетенных национальностей», «освободителя и создателя» Югославии, Чехословакии и Польши⁵². «Победа над центральными державами — именно в этом заключается крупнейший вклад союзников в свободу народов Восточной и Центральной Европы. Вильсоновская Америка способствовала победе союзников, а большевистская Россия — нет», — таким выпадом против Советской Республики, имеющим целью убедить, что вовсе не революционно-освободительное движение, развивавшееся под влиянием Октябрьской революции, а победа Антанты и США обеспечили свободу угнетенных народов, — заканчивает В. Мэмэти свою работу.

В сущности, на тех же позициях стоят и представители так называемого «критического» направления в американской историографии. Отмечая отдельные ошибки политики Вильсона, признавая активную роль США в организации антисоветской интервенции, они в более гибких формах, чем открытые сторонники президента, берут под защиту американский империализм и столь же беззастенчиво приписывают ему роль освободителя народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Джорж Кеннан, самый значительный из авторов «критического» направления, так же настойчиво, как и откровенные создатели вильсоновской легенды, пытается убедить читателей, что именно Вильсон был защитником угнетенных народов и чуть ли не он вдохновил Советское правительство на выступление с демократической программой мира. «В действительности Вильсон намного опередил Декрет о мире», — без тени смущения вещает Кеннан⁵³.

Однако ни вильсоновская, ни так называемая «критическая» интерпретация событий не в состоянии заслонить даже от американского читателя правду истории. Видимо, это обстоятельство вынудило американскую историческую ассоциацию еще в 1957 г. на ежегодной конференции провести дискуссию на тему «Вильсон, Ленин и освобождение Восточной Европы». Хотя участники «дискуссии» употребили все усилия для того, чтобы «доказать», что именно США выдвинули в годы первой мировой войны программу создания в Европе новых независимых государств⁵⁴, сама необходимость такой дискуссии явилась наглядным свидетельством сдвигов, происходящих не только в сознании читающей публики, но и некоторых историков.

Подтверждением этого может служить книга Арно Мейера, преподавателя истории Гарвардского университета. Бессмысленные, терпящие банкротство попытки умалить международное значение Октябрьской революции и великих идей ленинизма А. Мейер сменил на столь же несостоятельную, но показательную по своим тенденциям попытку «сблизить» ленинские принципы внешней политики с показным вильсоновским либерализмом. Вильсон и Ленин, пытается утверждать А. Мейер, предложили «схожие идеологии в области внешней политики, хотя и для различных целей»⁵⁵. Новая дипломатия, якобы сложившаяся в результате взаимовлияния политики США и Советского государства, и породила, по мнению А. Мейера, новую Европу с занявшими в ней свое место народами, освободившимися от чужеземного господства.

⁵² V. M a m a t e y. The United States and East Central Europe. 1914—1918. A Study in Wilsonian Diplomacy and Propaganda. Princeton, 1957.

⁵³ G. K e n n a n. Russia Laves the War. Princeton, 1956, p. 142.

⁵⁴ «The American Historical Review», 1958, April, p. 825.

⁵⁵ A r n o J. M a y e r. Political Origins of the New Diplomacy, 1917—1918. New Haven, 1959, p. 35.

Ряд буржуазных историков, будучи не в состоянии преодолеть враждебность к установившейся в славянских странах народной власти, вообще склонен рассматривать образование независимых Польши, Чехословакии и Югославии как историческое недоразумение и глубокую ошибку. За последнее время появляется все больше работ, в которых монархия Габсбургов рассматривается как ценный пример общности народов, якобы искусственно разрушенной в ходе первой мировой войны. Не чужд таким построениям и В. Мэмэти, считающий, что Австро-Венгрия была «важным элементом системы политического равновесия сил в Европе»⁵⁶. Французский буржуазный историк Жак Дроз утверждает, что распад Австро-Венгрии, образование на ее развалинах новых государств привели к «балканизации» Европы, к разрушению той своеобразной маленькой Лиги Наций, которой якобы была монархия Габсбургов⁵⁷. Попытки представить монархию Габсбургов и программу «Срединной Европы» как проявление стремлений к «европейской интеграции» свойственны также работам многих современных австрийских, американских и других историков. Эти концепции, обращенные по сути дела против свободы и независимости социалистических стран Центральной и Юго-Восточной Европы, ранее других весьма развернуто изложил западногерманский историк Вернер Гонце⁵⁸.

К воссозданию некоего подобия монархии Габсбургов, к Дунайской федерации или иным вариантам передела Европы и ликвидации суверенитета славянских и других социалистических государств, возвращающих если не к теориям «Великой Германии», то по меньшей мере к планам «Срединной Европы», призывают не только некоторые западные пропагандисты, но и представители интересов обанкротившихся буржуазных классов Польши, Югославии, Чехословакии. Например, в ФРГ ярый реваншист Венцель Якш, в прошлом один из деятелей немецкой социал-демократической партии в Чехословакии, прямо требует полной исторической реабилитации старой дунайской монархии...⁵⁹

* * *

До победы Великой Октябрьской социалистической революции ни одно западное правительство никогда и ни в какой форме не выдвигало в качестве своей цели в войне «освобождение» западных славян и южнославянского населения монархии Габсбургов. Как раз наоборот: западные и южные славяне были одной из тех разменных монет, которыми державы Антанты намеревались расплачиваться при сведении взаимных счетов и претензий.

В частности, позорным тайным Лондонским договором 26 апреля 1915 г. правительства Англии, Франции и России хотели купить жизнь и кровь итальянских солдат ценою обещания передать переметнувшимся на их сторону правителям Италии Истрию, значительную часть Далмации и некоторые другие югославянские земли⁶⁰. США, формально еще

⁵⁶ V. M a m a t e y. Указ. соч., стр. 381.

⁵⁷ J. D r o z. L'Europe centrale. Evolution historique de l'idée de «Mitteleurope». Paris, 1960.

⁵⁸ W. G o n z e. Nationalstaat oder Mitteleuropa? Düsseldorf, 1951. В другой своей работе В. Гонце всецело оправдывает германскую политику в отношении Польши в годы первой мировой войны («Polnische Nation und deutsche Politik im ersten Weltkrieg», Köln-Gratz, 1958).

⁵⁹ W. J a k s c h. Europas Weg nach Potsdam. Stuttgart, 1958, S. 447.

⁶⁰ «Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительства 1870—1917 гг.» (Далее — МО). Серия III, 1914—1917 гг., т. VII, ч. 2, стр. 253—263.

сохранявшие нейтралитет в войне, не были участниками Лондонского договора, но они знали о его содержании⁶¹. Вступая в войну на стороне Антанты, США вступали в борьбу за осуществление ее военных целей, в том числе за переход части югославянских земель к Италии. Что касается остальных славянских владений Австро-Венгрии, то США и не мыслили их без Габсбургов и стояли на позиции сохранения монархии. Объявив в декабре 1917 г. войну Австро-Венгрии, они заявили, что не имеют своей целью раздробление ее. «Перед президентом Вильсоном,— пишет в связи с австро-венгерскими делами Ч. Сеймур,— стояли две политические альтернативы. Он мог объявить габсбургской монархии войну на смерть и обещать полное освобождение Чехословакии, полякам, южным славянам и румынам... Или он мог провозгласить право подвластных национальностей на «автономию», причем они должны были остаться своего рода федеральным союзом под короной Габсбургов... Президент выбрал вторую альтернативу»⁶².

Этот выбор нашел выражение в пункте 10 вильсоновской программы мира (в «14 пунктах»). Пункт этот предусматривал: «Народам Австро-Венгрии, место которых среди других наций мы желаем видеть сохраненным и обеспеченным, должна быть предоставлена наиболее свободная и благоприятная возможность автономного развития»⁶³. Автономия — но не суверенитет, власть Габсбургов — но не свобода,— такова была «освободительная» политика империалистов США.

Такую же политику проводили и правящие круги Англии, премьер-министр которой почти одновременно с президентом США заявил, что «распад Австро-Венгрии не входит в число наших военных целей»⁶⁴. Такую же политику проводила и Франция, которая в ходе своих совершенно секретных переговоров с Австро-Венгрией о разрыве последней союза с Германией всегда исходила (как США и Англия) из безусловного признания целостности Дунайской монархии⁶⁵.

Столь же чуждой интересам угнетенных народов была политика западных держав и в отношении Польши.

Еще в феврале 1917 г., в самый канун свержения самодержавия в России, французское и царское правительства в дополнении к ранее связывавшим их обязательствам договорились, что за поддержку Франции в вопросе о судьбе Эльзаса и Лотарингии Россия получит полную свободу действий в определении своих западных границ⁶⁶. Тем самым Франция обязалась поддержать Россию в осуществлении провозглашенного ею еще в августе 1914 г. плана объединения всех польских земель «под скипетром русского царя»⁶⁷.

После того, как русские рабочие и солдаты в феврале 1917 г. свергли

⁶¹ «Архив полковника Хауза», т. III, М., 1939, стр. 33.

⁶² Там же, стр. 236.

⁶³ «The Times», 9.I 1918.

⁶⁴ Д. Л о й д - Д ж о р ж. Военные мемуары, т. V. М., 1934.

⁶⁵ М е г м е и х. Les négociations secrètes et les armistices. Paris, 1919; «Prince Sixte de Bourbon. L'offre de paix séparée de l'Autriche», Paris, 1920.

⁶⁶ «Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917», М., 1952, стр. 457.

⁶⁷ См. «Русско-польские отношения», стр. 155.— Этот план, провозглашенный в обращении к польскому народу верховного главнокомандующего русской армией великого князя Николая Николаевича, был поддержан английским и французским правительствами. (См. МО., т. 10.). В своем меморандуме об условиях мира английский министр иностранных дел Бальфур писал 4 октября 1916 г. о том, что Польша останется составной частью России, причем «будет включать не только русскую Польшу, но также и ту ее часть, которую получили при разгроме старого королевства Пруссия (или, по крайней мере, одну из этих частей) и Австрия». См.: Д. Л о й д - Д ж о р ж. Указ. соч., тт. I—II. М., 1934, стр. 580.

царизм, пришедшее ему на смену буржуазное Временное правительство пыталось и в польском вопросе продолжать политику самодержавия. В противовес этой политике Временного правительства Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, действуя в соответствии с волей трудового народа, провозгласил, что «Польша имеет право быть совершенно независимой в государственно-международном отношении»⁶⁸. После этого Временное правительство заявило, что оно согласно на то, чтобы русское Учредительное собрание обсудило вопрос о предоставлении независимости Польше, «связанной военным союзом с Россией»⁶⁹.

Не говоря уже о том, что декларация Временного правительства ни в какой мере не меняла правового положения Польши и что практически Временное правительство, выражая интересы русской буржуазии, стремилось лишь отвоевать обратно польские земли, «свободный военный союз», которым оно заранее ограничивало польскую «независимость», по своей реакционной сути ничем не отличался от австрийского и германского актов 5 ноября 1916 г., говоривших о «независимой» Польше, «связанной с союзными империями».

Как и ранее, союзники России поддержали позицию буржуазного Временного правительства в польском вопросе. Эта поддержка была выражена в соответствующих заявлениях правительств Англии, Франции и Италии и в коллективной ноте этих правительств от 4 апреля 1917 г.

Что касается США, то в вопросе о Польше они проводили особенно лицемерную политику. В послании сенату от 22 января 1917 г. Вильсон говорил, что Польша должна стать «единой, независимой и автономной». Неопределенность и двусмысленность этого заявления, нарочито ставящего в один ряд «независимость» и «автономию», привела к тому, что правящие круги западных империалистических держав и буржуазное Временное правительство не без успеха использовали послание Вильсона как выражение поддержки именно своей позиции в польском вопросе.

Лицемерные слова президента США о правах малых народов, о «независимой», но и «автономной» Польше сочетались в том же послании с призывом к «миру без победы»⁷⁰, что заключало в себе призыв вовсе не к демократическому миру, а к такому миру, единственным реальным результатом которого стала бы гегемония США.

В январе 1918 г. и США и Англия под влиянием советской внешней политики (но в целях использования Польши именно против Советской Республики) вынуждены были заявить, наконец, о своем желании видеть Польшу независимой. Но при этом они выдвинули ряд оговорок, делавших вопрос о Польше предметом сделок не только между союзниками, но и с Германией. Это, в частности, проявилось в постановке вопросов о доступе Польши к морю, о Гданьске и ряде других⁷¹.

Не задачи освобождения польского и других славянских народов определили политику западных держав в отношении Польши, Чехословакии, Югославии, а империалистические притязания. Контрреволюционные замыслы, империалистические притязания побудили западные державы прикинуться друзьями братьями славянских народов. «Революция 7 ноября 1917 г. полностью изменила отношение Антанты к России. Дипломаты Антанты повернулись к Польше, как к замене России на Востоке и как к

⁶⁸ «Правда», 16(29) марта 1917 г.

⁶⁹ «Русско-польские отношения», стр. 100.

⁷⁰ «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States». Supplement I, Washington, pp. 6—8.

⁷¹ А. Я. М а н у с е в и ч. К постановке вопроса о западных и северных границах Польши на Парижской мирной конференции. «Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии», т. III, вып. 1, М., 1946.

барьеру против большевизма», — пишет упомянутый выше американский историк Г. Фишер ⁷², невольно раскрывая смысл «славянофильства», проявленного в конце войны покровителями Масарика и Бенеша, Дмовского и Пилсудского, Пашича и Корошца.

* * *

Социалистическая революция в России, положив начало коренному повороту в развитии человечества, открыла путь к воссозданию независимой государственности поляков, чехов и словаков, югославян и других угнетенных народов. Великий кормчий этой революции, партия Ленина, привела рабочий класс России к всемирно-исторической победе и пришла к Октябрю с целостной внешнеполитической программой, основывающейся на учении марксизма-ленинизма.

Одно из центральных положений марксизма-ленинизма, определяющих политику пролетариата в национальном вопросе, состоит в признании за каждой нацией права на самоопределение, на независимое государственное существование. Признание этого права было внесено В. И. Лениным еще в 1902 г. в проект программы Российской социал-демократической рабочей партии ⁷³, обосновано тогда же в ряде его работ ⁷⁴ и вошло в Программу партии, принятую на ее II-м съезде в 1903 г. ⁷⁵

Коммунистическая партия Советского Союза неизменно отстаивает и пропагандирует признание права наций на самоопределение, на освобождение от чужеземного господства. В первом же документе, выпущенном партией в связи с начавшейся в августе 1914 г. войной, — в Ленинских тезисах «Задачи революционной социал-демократии в европейской войне» — перед революционной социал-демократией выдвигались задачи всесторонней пропаганды социалистической революции, пропаганды, «как одного из ближайших лозунгов, республики немецкой, польской, русской и т. д.» ⁷⁶. В манифесте «Война и российская социал-демократия», — первом официальном документе Центрального Комитета РСДРП, отразившем позицию большевистской партии по отношению к начавшейся первой мировой войне, прямо указывалось на задачу революционного низвержения монархии в Германии, Австро-Венгрии и России и установления полного равноправия и самоопределения всех наций ⁷⁷.

Таким образом, Коммунистическая партия всегда считала, что в основе политического устройства отношений между народами должен лежать принцип самоопределения, т. е. права каждого народа самому распоряжаться своей судьбой.

С этих позиций В. И. Ленин решительно критиковал как одно из проявлений догматизма и сектанства в международном социалистическом движении выступления за отказ от требований самоопределения наций ввиду того, что оно якобы «неосуществимо» при империализме, а при победе социализма — излишне и т. п. В ряде работ В. И. Ленин указывал, что даже в условиях империализма осуществимо образование новых государств в Европе — польского, финляндского, венгерского, чешского и т. п., но при этом предупреждал, что ни одно крупное демократическое

⁷² Н. Н. Fisher. Указ. соч., стр. 111.

⁷³ В. И. Ленин. Проект программы Российской социал-демократической рабочей партии. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 206.

⁷⁴ В. И. Ленин. Национальный вопрос в нашей программе. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 233—242 и другие работы.

⁷⁵ «Второй съезд РСДРП. Протоколы», М., 1959, стр. 421.

⁷⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 6.

⁷⁷ Там же, стр. 21—22.

преобразование неосуществимо без ряда революций и непрочно без социализма ⁷⁸.

Еще в 1915 г. В. И. Ленин писал: «На вопрос, что бы сделала партия пролетариата, если бы революция поставила ее у власти в теперешней войне, мы отвечаем: мы предложили бы мир *всем* воюющим на условии освобождения колоний и *всех* зависимых, угнетенных и неполноправных народов» ⁷⁹. Именно борьба за эти цели легла в основу внешней политики большевистской партии, когда она стала у власти в результате Октябрьской революции.

Внешнеполитическая программа большевистской партии и Советской власти была изложена в первом акте победоносной пролетарской революции — Декрете о мире, написанном В. И. Лениным. В декрете провозглашалось, что справедливой демократической основой организации взаимоотношений между народами является заключение мира без аннексий и без контрибуций. В декрете говорилось, что под аннексией, или захватом чужих земель, Советское правительство понимает «всякое присоединение к большому или сильному государству малой или слабой народности без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности, независимо от того, когда это насильственное присоединение совершено, независимо также от того, насколько развитой или отсталой является насильственно присоединяемая или насильственно удерживаемая в границах данного государства нация» ⁸⁰.

В точных, четких словах Декрета о мире, в развивавших его положения Декларации прав народов России и в других актах Советское правительство определяло основы новых отношений между народами и государствами, отношений равенства, свободы, сотрудничества.

Во имя быстреего окончания ненавистной народам империалистической войны Советское правительство предложило собрать полномочные собрания народных представителей всех стран и всех наций. Однако бывшие западные союзники России не только не поддержали советских предложений, отвечавших чаяниям всех народов, но и развернули деятельность, направленную против самого существования Советского государства. Разоблачая происки империалистов, первое пролетарское государство мужественно повело в Брест-Литовске борьбу против германского империализма, за демократический мир без аннексий и контрибуций. На первом же пленарном заседании мирной конференции в Брест-Литовске 9 (22) декабря 1917 г. Советское правительство выдвинуло требование, чтобы национальным группам, не пользовавшимся политической самостоятельностью до войны, была бы гарантирована возможность свободно решить вопрос о своей принадлежности к тому или иному государству или о своей государственной самостоятельности ⁸¹.

Советское правительство выдвинуло последовательную и всеобъемлющую программу решения вопроса об угнетенных народах. «Программа Республики Советов, — говорилось в обращении Советского правительства к народам и правительствам союзных стран, — есть программа последовательной социалистической демократии. Эта программа имеет своей целью создание таких условий, при которых, с одной стороны, каждая народность, независимо от своей силы и уровня своего развития, получила бы полную свободу национального развития и, с другой стороны, все

⁷⁸ См., напр.: В. И. Ленин. О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме». Полн. собр. соч., т. 30, стр. 105.

⁷⁹ В. И. Ленин. Несколько тезисов. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 50.

⁸⁰ В. И. Ленин. Доклад о мире 26 октября (8 ноября). Полн. собр. соч., т. 35, стр. 14.

⁸¹ См. «Документы внешней политики СССР», т. I, М., 1957, стр. 61.

народы могли бы быть объединены в экономическом и культурном сотрудничестве. Советское правительство прямо ставило перед западными державами вопросы: требуют ли они вместе с Советским правительством предоставления права самостоятельности народам Эльзас-Лотарингии, Галиции, Познани, Богемии, югославянских областей⁸². Не поддержав советские предложения, западные страны лишней раз показали, как чужды они делу освобождения угнетенных народов.

Именно исторический поворот в развитии человечества к социализму и коммунизму, начатый Октябрьской революцией, и огромный размах революционно-освободительного движения угнетенных народов Австро-Венгрии и Германии сделали неотвратимыми распад монархии Габсбургов и рождение Чехословацкого, Польского, Югославского государств. Монархия Габсбургов, говорил В. И. Ленин в ноябре 1918 г., вся горит, пролетариат «поднялся и не оставил камня на камне в Австро-Венгрии»⁸³.

Пользуясь недостаточным политическим опытом освобожденных народов, спекулируя на их заблуждениях и предрассудках, западные державы помогли укрепиться у власти в Чехословакии, Польше, Югославии буржуазии, господство которой завершилось трагедией Мюнхена и гитлеровской оккупацией.

Победа Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. сыграла решающую роль в возрождении независимости славянских народов. На этот раз, в отличие от 1918—1919 гг., народы и Польши, и Чехословакии, и Югославии прочно взяли власть в свои руки и повели свои страны, в семье других свободных народов, дорогой социализма.

* * *

Только марксистская историография, основываясь на всестороннем изучении фактов и их подлинно объективном анализе, смогла установить научно достоверную картину развития социально-экономических, политических, идеологических и культурных процессов, приведших к образованию в 1918 г. независимых Польского, Чехословацкого и Югославского государств.

В основе этих процессов лежало все более обострявшееся противоречие между бурным развитием экономики и культуры славянских народов и их бесправным политическим положением, при котором классовый гнет со стороны местных помещиков и капиталистов усугублялся национальным гнетом со стороны русского царизма, австро-венгерского и германского абсолютизма. В течение длительного времени революционное и национально-освободительное движение польских, чехословацких и югославских трудящихся терпело неудачи в борьбе против связанных единством классовых интересов захватчиков и сомкнувшейся с ними польской, чешской, югославской аристократии и верхушки буржуазии. Прорыв фронта империализма и образование в результате Октябрьской революции двух противостоящих одна другой общественных систем — социализма и капитализма — в корне изменили соотношение сил эксплуататоров и угнетенных в пользу последних, открыли период крушения капитализма во всем мире. Одним из проявлений открытой Октябрем эпохи социального и национального освобождения и явился мощный подъем революционно-освободительного движения народов, угнетенных Габсбургами и Гогенцоллернами и измученных многолетней грабительской, империалистической войной. Это революционно-освободительное движение, опираясь на

⁸² Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 68—69.

⁸³ В. И. Ленин. Речь о годовщине революции 6 ноября на VI Всероссийском чрезвычайном съезде Советов. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 152.

солидарность с ним Советского государства и на благоприятную расстановку сил в международном масштабе, опрокинуло австро-венгерскую монархию и германскую империю и создало ряд новых государств, в том числе Польшу, Чехословакию и Югославию.

Вне пределов СССР научная концепция причинной связи между Октябрьской революцией и образованием в 1918 г. Польского, Чехословацкого и Югославского государств не могла получить широкого освещения в историографии межвоенного двадцатилетия. Объяснение этому следует искать в том, что вне пределов Советского Союза марксистская мысль повсеместно подавлялась. Однако, несмотря на террор правящих классов, в партийной печати и в устной агитации и пропаганде польские, чехословацкие, югославские коммунисты неизменно несли в массы слова правды о великой роли Октября в судьбах их народов, в судьбах всего человечества. А в Чехословакии, где в межвоенный период имелись несколько большие, чем в Польше и Югославии, возможности для легального развития марксистской мысли, еще в домюнхенский период появились научные статьи и книги, в которых более или менее правильно оценивалась политика западных держав в отношении монархии Габсбургов, роль Октябрьской революции и революционно-освободительной борьбы народных масс в завоевании независимости Чехословакии⁸⁴.

Только после победы Советского Союза в Великой Отечественной войне против гитлеровской Германии и установления в Польше, Чехословакии, Югославии народной власти, в этих странах создались условия для подлинно научного изучения роли Октябрьской революции в истории польского, чехословацкого и югославского народов. Тогда же и советские историки, получив возможность изучить ранее недоступные для них зарубежные архивы и печатные источники, смогли более глубоко исследовать огромное влияние Октябрьской революции на развитие борьбы за национальное освобождение польского, чехословацкого и югославского народов.

Работы М. В. Миско⁸⁵ и А. Я. Манусевича⁸⁶ по истории Польши, В. В. Марьиной⁸⁷ и А. Х. Клеванского⁸⁸ по истории Чехословакии, Ю. А. Писарева⁸⁹ по истории Югославии, а также многих других советских историков, подготовили те обобщающие выводы о решающей роли Октябрьской революции в образовании в 1918 г. Польского, Чехословацкого и Югославского государств, которые нашли выражение в выпущенных Институтом славяноведения Академии наук СССР коллективных монографиях по истории зарубежных славянских стран: «Истории Польши» (том III), «Истории Чехословакии» (том III), в связанной с этими трудами «Всемирной истории» (том VIII)⁹⁰ и других.

⁸⁴ См., например, статьи в журнале «Komunistická revue», а также направленные против масариковской легенды статьи Зденека Неедлого в журналах «Realista» и «War»; P. Reimann. Dějiny KSČ. Praha, 1931, и другие работы.

⁸⁵ М. В. Миско. Октябрьская революция и восстановление независимости Польши. М., 1957.

⁸⁶ О. Манусевич. Нариси из історії Польщі. Київ, 1954.

⁸⁷ В. В. Марьяна. Великая Октябрьская социалистическая революция и развитие революционного движения в Словакии в 1918—1920 гг. «Из истории революционного движения народов Чехословакии», М., 1959.

⁸⁸ А. Х. Клеванский. Великая Октябрьская социалистическая революция и революционный подъем в Чехословакии (1918—1920). «Из истории Великой Октябрьской социалистической революции», М., 1957.

⁸⁹ Ю. А. Писарев. Нарастание революционной ситуации в Сербии, Хорватии и Словении в 1917—1919 гг. и интервенция Антанты. «Ученые записки Института славяноведения», т. VII, М., 1952.

⁹⁰ «История Польши», т. III, М., 1958; «История Чехословакии», т. III, М., 1960; «Всемирная история», т. VIII, М., 1961.

Если в первые годы существования народной власти в Польше, Чехословакии и Югославии работы об Октябрьской революции и ее роли в истории славянских народов носили преимущественно публицистический и популяризаторский характер, то после состоявшейся в Праге в ноябре 1949 г. научной конференции историков Чехословакии и происходившей в декабре 1951 — январе 1952 гг. в Отвоцке (близ Варшавы) первой методологической конференции польских историков появился ряд значительных публикаций на темы, связанные с Октябрем⁹¹. Не все эти публикации имеют равную научную ценность, но все они способствовали расширению знаний о непосредственных откликах западно- и югославянских народов на социалистическую революцию в России.

Наряду с публикаторской работой, историки славянских стран в конце 40-х — начале 50-х годов опубликовали ряд работ большого принципиального значения. В чехословацкой историографии этого периода особое место заняли доклады Ольдржиха Ржиги об Октябрьской революции и так называемом движении сопротивления в период первой мировой войны, Ярослава Хорвата — о влиянии русской революции на рабочее движение в чешских землях, Арношта Климы — о чехах и словаках в России в период Октябрьской революции, опубликованные в одном сборнике⁹², и работы Йиндржиха Веселого об образовании Чехословакии, об участии чехов и словаков в событиях революционной России 1917—1920 гг. и о влиянии этой революции на развитие рабочего освободительного движения в чешских землях и в Словакии⁹³.

Эти работы вместе с книгой Гаека о политике Вильсона в отношении Чехословакии и исследованием Бернашеков, раскрывавшим пагубную роль правящих кругов США в истории Чехословакии⁹⁴, монографиями Зденека Полле о чешском рабочем движении в годы первой мировой войны⁹⁵ и Милоша Госиоровского по истории словацкого рабочего движения⁹⁶ — в большой мере определили круг вопросов, который оказался в центре внимания чехословацких историков. Характерная черта этих исследований — борьба против буржуазной фальсификации истории Чехословакии, убедительное опровержение вильсоновской и масариковской легенды возникновения Чехословакии в 1918 г.

Примерно в ту же пору польская историческая литература пополнилась публицистической работой Юзефа Ковальского, рассказавшего о том, как Октябрьская революция принесла свободу Польше⁹⁷, интересными исследованиями Тадеуша Кузминьского о влиянии Октябрьской революции на крестьянское движение Люблинщины, о борьбе польского

⁹¹ Следует отметить «Pracennik ohlasu Velké říjnové socialistické revoluce a vzniku CSR», d. I—III, Praha, 1957—1959; «W XXXV rocznicą Wielkiej Październikowej rewolucji socjalistycznej», Warszawa, 1952; «Materiały archiwalne do historii stosunków polsko-radzieckich», t. I, Warszawa, 1957; «Исторически архив. Коммунистиче партије Угославје», тт. II—VI, Београд, 1949—1956 и др.!

⁹² «Великая Октябрьская социалистическая революция и свобода Чехословакии», М., 1951.

⁹³ J. Veselý. Poznámky k buržoasní legendě o vzniku Československa. Praha, 1952; е го ж е. Češi a Slováci v revolučním Rusku. 1917—1920. Praha, 1945; е го ж е. Vliv Velké říjnové socialistické revoluce na rozmach dělnického oslobozeneckého hnutí. Praha, 1955.

⁹⁴ V. Bernášek a Vladimír V. Bernášek. Bez slavy a bez ilusí. CSR a USA v letech 1918—1938. Praha, 1956.

⁹⁵ Z. Solle. Delnické hnutí v českých zemích v letech první světové války. Praha, 1953.

⁹⁶ M. Gosiorovský. Dějiny slovenského robotníckého hnutia (1848—1918). Bratislava, 1953; второе, дополненное и исправленное издание, Bratislava, 1958.

⁹⁷ J. Kowalski. Wielka Październikowa rewolucja socialistyczna a wyzwolenie Polski. Warszawa, 1952.

крестьянства за землю⁹⁸ и ценной монографией Леона Гросфельда о действиях польских реакционных воинских формирований в России⁹⁹.

Работа Л. Гросфельда, равно как и близкие ей по теме работы чехословацких историков, в частности Ярослава Кржижека¹⁰⁰, Вацлава Краля¹⁰¹ и других, способствовали разоблачению весьма распространенных в буржуазной историографии утверждений о том, что участие польских вооруженных сил в антисоветской интервенции, как и антисоветский мятеж, поднятый в России чехословацкими контрреволюционными лидерами по указке западных империалистов, якобы способствовали делу возрождения Польши и Чехословакии. Авторы марксистских работ, посвященных антисоветским военным авантюрам польских и чехословацких контрреволюционеров, доказали антинациональный, антинародный характер преступных попыток чехословацкой и польской контрреволюции уничтожить Советское государство, появление и утверждение которого создало самую возможность восстановления независимости Польши, создания независимой Чехословакии, а также образования независимой Югославии.

В югославской исторической литературе этого периода лишь в исследовании Фердо Чулиновича «1918 г. на Адриатике» прослеживается влияние Октября на судьбы югославянских народов. Котторское восстание и другие революционные события в районе Адриатики в 1918 г. он вполне обоснованно рассматривает, как прямой отклик на Октябрьскую революцию¹⁰². Другие работы, занявшие определенное место в югославской историографии, — например, законченное в 1950 г., но увидевшее свет лишь через десять лет, уже после смерти автора, объемистое исследование Милана Мариановича о Лондонском договоре 1915 г. и борьбе за Адриатику в 1914—1917 гг.¹⁰³, а также работа Анте Мандича об истории объединения югославянских земель¹⁰⁴ выдержаны лишь в духе буржуазно-либерального описательства и полного невнимания к месту Октября в истории югославянских народов. Весьма характерно, что в обширном обзоре развития югославской историографии в 1945—1955 гг. вообще не нашлось даже места для упоминаний об Октябрьской революции и связанных с нею проблемах¹⁰⁵.

В условиях огромного подъема идеологической работы, начавшегося после XX съезда КПСС (1956 г.), изучение влияния Великого Октября на польское, чехословацкое, югославское революционное движение, на образование в 1918 г. и последующее развитие Польши, Чехословакии и Югославии заняло одно из центральных мест в историографии этих стран. 40-летие Октябрьской революции и 40-летие независимости Чехословакии, Польши и Югославии, отмечавшиеся в 1957 и 1958 гг., стимулировали дальнейшее развитие исследований самых актуальных вопросов новейшей

⁹⁸ J. Kuzmiński. Walki klasowe na wsi Lubelskiej w latach 1918—1919. Warszawa, 1955; его же. Chłopi w walce o ziemię i władzę 1918—1919. Warszawa, 1957; его же. Wieś w walce o Polskę Ludową 1918—1920. Warszawa, 1960.

⁹⁹ L. Grosfeld. Polskie reakcyjne formacje wojskowe w Rosji. 1917—1919. Warszawa, 1956.

¹⁰⁰ J. Křížek. Penza. Slavná bojová tradice čs. rudoarmějců. Praha, 1956; в переводе на русский язык см.: Я. Кржижек. Пенза. Славные боевые традиции чехословацких красноармейцев. Пенза, 1958.

¹⁰¹ В. Краля. О контрреволюционной и антисоветской политике Масарика и Бенеша. М., 1955.

¹⁰² F. Čulinovič. 1918 na Jadranu. Zagreb, 1951.

¹⁰³ M. Marjanovič. Londonski ugovor iz godine 1915. Prilog povijesti borbe za Jadran, 1914—1917. Zagreb, 1960.

¹⁰⁴ A. Mandić. Fragmenti za historiju ujedinjenja. Zagreb, 1956.

¹⁰⁵ «Ten years of Yugoslav historiography. 1945—1955», Beograd, 1955.

истории. Выступления руководителей братских коммунистических рабочих партий в связи с 40-й годовщиной Октября, доклад Н. С. Хрущева на юбилейной сессии Верховного Совета СССР 6 ноября 1957 г. содержали глубокую оценку всемирно-исторического значения Октябрьской революции, ее влияния на отдельные страны и народы. В этих же выступлениях отмечалось участие трудящихся различных стран в движении пролетарской солидарности с Советской Республикой, их непосредственная борьба за победу и упрочение Советской власти в России ¹⁰⁶.

Заметное место в литературе, посвященной Октябрьской революции, занял вышедший в СССР сборник работ авторов из различных стран ¹⁰⁷.

Ценным вкладом в польскую историографию рассматриваемых вопросов явились фундаментальный труд Генриха Яблоньского о Польской социалистической партии в годы первой мировой войны и ряд примыкающих к этому труду других работ этого же автора ¹⁰⁸. Г. Яблоньский на основе очень тщательного анализа фактов раскрыл всю несостоятельность претензий пилсудчиков на якобы положительную, чуть ли не спасительную в отношении Польши их роль в бурных событиях 1914—1918 гг. и показал, что только победа Октябрьской революции обеспечила восстановление независимости Польского государства. Работы Г. Яблоньского, как и новые работы Л. Гроссфельда, а также Станислава Кшыкалы, Владислава Корвазкого и других ¹⁰⁹ ввели в польскую историографию ряд новых сюжетных линий, связанных с влиянием Октябрьской революции на создание и деятельность в Польше Советов рабочих депутатов, на развитие движения сельскохозяйственных рабочих и крестьян и т. д. Обогадилась польская историческая наука и несколькими новыми ценными работами о политике Германии в польском вопросе в 1914—1918 гг. ¹¹⁰.

Вместе с тем, нельзя не отметить отсутствие в польской исторической литературе историографических работ, посвященных всестороннему рассмотрению вопроса о роли Октября в образовании в 1918 г. Польского государства ¹¹¹.

Чехословацкие историки-марксисты, продолжая и расширяя исследования, начатые в предыдущий период, особое значение придавали дальнейшему разоблачению буржуазных фальшивок о роли «сопротивления», организованного вне страны Масариком, Бенешем и Штефаником, вылившегося в контрреволюционный мятеж чехословацкого корпуса в Советской России и сделавшего Чехословакию объектом торгов и сделок империалистов. В первую голову надо назвать монографии Михаила Дзвоника

¹⁰⁶ Н. С. Хрущев. Сорок лет Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1957; «Великая Октябрьская социалистическая революция и мировое освободительное движение», тт. I—II, М., 1958.

¹⁰⁷ «Международное значение Октябрьской революции», М., 1958.

¹⁰⁸ H. J a b ł o n s k i. Polityka Polskiej partii socjalistycznej w czasie wojny 1914—1918 г. Warszawa, 1958 (русск. изд.: Г. Я б л о н ь с к и й. Политика Польской социалистической партии во время войны 1914—1918 гг. М., 1963); е г о ж е. Rewolucja Październikowa a odbudowa państwa Polskiego w 1918 г. «Z pola walki», 1958, N 1; е г о ж е. Narodziny Drugiej Rzeczypospolitej. Warszawa, 1962.

¹⁰⁹ L. G r o s s f e l d. Polityka państw centralnych wobec sprawy polskiej w latach 1914—1918. Warszawa, 1962; S t. K r z y k a ł a. Lubelska Rada Delegatów Robotniczych. Lublin, 1957; W ł. K o r w a z k i. Łódzka Rada Delegatów Robotniczych. «Z pola walki», 1958, N 2; A. K a ł u ż a i S t. P o p r a w s k a. Rady Delegatów Robotniczych w Zagłębiu Dąbrowskim 1918—1919. Katowice, 1961.

¹¹⁰ J. P a j e w s k i. Mitteleuropa. Poznań, 1959; J. K n e b e l. Rząd pruski wobec sprawy polskiej w latach 1914—1917. Warszawa, 1961.

¹¹¹ Более подробно см.: А. Я. М а н у с е в и ч. Польская историография о влиянии Великой Октябрьской социалистической революции и ее роли в восстановлении в 1918 г. Польского государства. «Зарубежная литература об Октябрьской революции», М., 1961.

о влиянии Октябрьской революции на Словакию¹¹² и Людвиг Голотика о национально-освободительном движении в Словакии и антinationальной политике словацкой буржуазии в годы первой мировой войны¹¹³. Изданием этих работ был восполнен имевшийся ранее пробел в исследовании вопросов революционного движения в Словакии. Широкая дискуссия об основных проблемах образования Чехословацкой Республики, проходившая среди чехословацких историков в 1957—1958 гг., способствовала дальнейшему повышению научного уровня исследований, посвященных истории чешского и словацкого народов в 1917—1918 гг. В этой дискуссии убедительным освещением исторической неизбежности и прогрессивного значения распада Австро-Венгрии заметное место заняла работа Юрия Кржижека¹¹⁴. Общий итог дискуссии был подведен Карелом Пихликом¹¹⁵.

Достигнутые чехословацкой исторической наукой результаты послужили основой больших обобщений, в частности, по проблеме настоящего доклада, содержащихся в вышедшем в 1961 г. коллективном труде «Истории Коммунистической партии Чехословакии»¹¹⁶.

Образование Чехословакии и решающее влияние Октябрьской революции на ее возникновение продолжают оставаться темами многих исследований, например, сборника статей «Как возникла Чехословакия», новых работ В. Вавры, О. Ржиги, Й. Веселого и др.¹¹⁷. Приметной чертой чехословацкой историографии, посвященной Октябрьской революции, является также непрерывное расширение исследований о международном влиянии и роли социалистической революции. В этой связи заслуживают быть названными работы Мартина Виетора о Словацкой Советской Республике и Ф. Пору о Венгерской Советской Республике¹¹⁸. Из историографических работ уместно назвать статью Ярослава Коутека¹¹⁹ и обширную монографию под редакцией Йозефа Мацека, Вацлава Гусы и Бронислава Варсика, в которой уделено большое внимание как критике буржуазных взглядов, так и изучению чехословацкими историками в 1936—1960 гг. освободительной борьбы чешского и словацкого народов и роли Октябрьской революции в образовании и последующем развитии Чехословакии¹²⁰.

За последние годы имеют место некоторые достижения и югославских историков в изучении вопросов, связанных с Октябрьской революцией. Труд Ф. Чулиновича «Отклики на Октябрь в югославянских землях», представляющий собой переработанную книгу «1918 год на Адриатике», более обстоятельно воссоздает картину того, как под влиянием Октяб-

¹¹² M. D z v o n i k. Ohlas Vel'kej Oktobrovej socialistickej revolucie na Slovensku (1918—1919). Bratislava, 1957.

¹¹³ L. H o l o t i k. Oktobrova revolucia narodno-slobodzovacie hnutie na Sliovensku v rokoch 1917—1918. Bratislava, 1958; е р о ж е. Stefanikovska legenda vznik CSR. Bratislava, 1958 (второе, расширенное издание: Bratislava, 1960).

¹¹⁴ J. K ř i ž e k. Příspěvek k dějinám rozpadu Ráhouška-Uherska a vzniku Československa. «Příspěvky k dějinám KSC», 1958, N 5.

¹¹⁵ K. P i c h l í k. Otázka vzniku buržoasního Československa v pracích našich historiků k 40. Vyročí Řijnové revoluce a zrodu CSR. «Histoire a vojenství», 1959, N 2.

¹¹⁶ «Dějiny Komunistické strany Československa», Praha, 1961.

¹¹⁷ «Ke vzniku CSR. Sborník stati k ohlasu Řijnové revoluce a ke vzniku CSR», Praha, 1958; V. V a v r a. Klavná cesta. Praha, 1958; O. Ř i h a. Ohlas Řijnové revoluce v CSR. Praha, 1957; J. V e s e l ý. Jak se zrodila naše strana. Praha, 1961.

¹¹⁸ M. V i e t o r. Slovenská sovietská republika v roku 1919. Bratislava, 1955; F. D. P o r. Mad'arská sovietská republika a její oblas na Slovensku. Praha, 1959.

¹¹⁹ J. K o u t e k. 14 a 28 říjen 1918. Jejich průbeh a význam. «Ke vzniku CSR», Praha, 1958.

¹²⁰ «25 ans d'histoire de la République tchécoslovaque. 1936—1960», Praha, 1960.

ской революции антивоенное и освободительное движение в славянских землях Австро-Венгрии перерастало в движение, участники которого стремились «установить в югославянских землях советский порядок»¹²¹. Переломному значению Октябрьской революции в истории народов Югославии уделяет Ф. Чулинович внимание и в своей более поздней работе по межвоенной истории страны¹²².

В ряде работ других югославских историков можно найти указания о плодотворном влиянии Октябрьской революции на идейное развитие рабочего класса¹²³, сведения о заметной роли в югославском революционном движении «повратников» — югославыц, вернувшихся из России¹²⁴, о вдохновляющей роли ленинского Декрета о земле в борьбе югославского крестьянства за землю¹²⁵ и т. д. Но большей частью, — в том числе в совместном докладе Франа Цвиттера из Люблянского университета, Ярослава Шидяка и Васо Богданова из Загребского университета, представленном в 1960 г. XI Международному конгрессу историков в Стокгольме¹²⁶, — указания на Октябрьскую революцию носят характер общих констатаций, не раскрывающих действительного, наполненного ярким содержанием процесса качественных изменений в политическом самосознании трудящихся масс и в реальном соотношении классовых сил. Самое развитие революционно-освободительного движения югославских народов и распад монархии Габсбургов изображаются, как, например, в описательной работе Срдчана Будисавлевича¹²⁷ или в книге Йована Марьяновича¹²⁸, развивающимися параллельно с Октябрьской революцией, но по сути дела лишенными с нею внутреннего революционного единства.

Состояние изученности проблемы влияния Октябрьской революции на образование в 1918 г. Югославского, Чехословацкого, Польского государств показывает, что при общей всем историкам славянских стран принципиальной постановке вопроса сама глубина изучения проблемы в различных славянских странах находится на различном уровне.

Что касается советских историков, то они, основываясь на сделанном ранее, за последнее время особенно успешно разрабатывают один из важных моментов рассматриваемой проблемы — участие иностранных трудящихся в борьбе за победу и утверждение Советской власти в России. Изучение этого вопроса представляет большой интерес как одно из ярчайших проявлений пролетарского интернационализма, боевого революционного союза Октябрьской революции с мировым революционным движением. При этом весьма важно то, что, участвуя в революционной борьбе в Советской Республике, десятки тысяч польских, чехословацких, югославских и других трудящихся проходили школу революционного опыта, сыгравшего огромную роль в последующей деятельности польских, чехословацких, югославских рабочих и крестьян.

¹²¹ F. Čulinović. Odjeci Oktobra u jugoslavenskim Krajevina. Zagreb, 1957, str. 104.

¹²² F. Čulinović. Jugoslavija između dva rata, t. I. Zagreb, 1961.

¹²³ I. Čazi. Revolucionarni sindikati Jugoslavije (1919—1920). Beograd, 1959.

¹²⁴ N. Šarac. Sindikalni pokret u Bosni i Hercegovini do godine 1919. Sarajevo, 1955.

¹²⁵ M. Eric. Agrarna reforma u Jugoslavji 1918—1941 god. Sarajevo, 1958.

¹²⁶ «XI Congrès International des Sciences Historiques. Rapports. V. Histoire contemporaine», Uppsala, 1960.

¹²⁷ S. Budisavljević. Stvaranje države Srba, Hrvata i Slovenaca. Zagreb, 1958.

¹²⁸ J. Marjanović. Potsetnik is istorije Komunističke partije Jugoslavije (1919—1941). Beograd, 1953.

Несколько публикаций, предпринятых советскими учеными¹²⁹, и работы советских историков П. А. Голуба¹³⁰, Р. А. Ермолаевой¹³¹, А. Х. Клеванского¹³², А. Я. Манусевича¹³³, И. Д. Очака¹³⁴, И. Петерса¹³⁵ и других осветили отдельные моменты участия польских, чехословацких, югославских трудящихся в борьбе за победу и утверждение Советской власти в России, что являлось также существенным вкладом в дело борьбы за независимость Польши, Чехословакии, Югославии. Советские историки надеются дать широкое освещение темы об участии в Октябрьской революции трудящихся интернационалистов из зарубежных стран в обобщающем труде, подготовляемом Институтом славяноведения Академии наук СССР к 50-летию Октября.

* * *

Нам представляется, что перед историками-славистами, изучающими новейшую историю Польши, Чехословакии, Югославии, все еще стоит задача изучения переломной роли Октябрьской революции в развитии этих стран. В частности, необходимо расширить изучение влияния трудов В. И. Ленина, всей марксистско-ленинской идеологии и деятельности Коммунистической партии Советского Союза на формирование революционного мировоззрения трудящихся зарубежных славянских стран. Весьма слабо изучено соотношение между развитием революционной ситуации в славянских странах и ходом борьбы советского народа против внутренней контрреволюции и иностранной интервенции в 1917—1921 гг.

Недостаточно раскрыто в научных трудах влияние Октябрьской революции на формы и методы революционного движения в зарубежных славянских странах, на освоение ими опыта социалистической революции в России. В этой связи следует особенно подчеркнуть значение разработ-

¹²⁹ «Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917—1922)», М., 1957; «Пролетарская солидарность трудящихся в борьбе за мир (1917—1924)», М., 1958.

¹³⁰ П. А. Г о л у б. Польские революционные войска в России в 1917—1920 гг. «Вопросы истории», 1958, № 3.

¹³¹ Р. А. Е р м о л а е в а. К истории польских коммунистических организаций и органов РКП(б) для работы среди польского населения на территории Советской Республики в 1917—1921 гг. «Октябрьская революция и зарубежные славянские народы», М., 1957; е е ж е. Агитационно-пропагандистская деятельность коммунистов-поляков в Советской России в период польско-советской войны (1920 г.). «Из истории польского рабочего движения», М., 1962.

¹³² А. Х. К л е в а н с к и й. Некоторые вопросы истории чехословацких революционных организаций в России. «История СССР», 1958, № 5; е г о ж е. Из истории чехословацких политических организаций в России (1914 — февраль 1917 гг.). «Ученые записки Института славяноведения», т. XXV, М., 1962.

¹³³ А. Я. М а н у с е в и ч. Деятельность польских социал-демократических организаций в России в период подготовки Октябрьской революции (март — октябрь 1917 г.). В кн.: «Октябрьская революция и зарубежные славянские народы»; е г о ж е. Польские коммунистические группы в России. «Институт славяноведения. Краткие сообщения», вып. 27, М., 1959; е г о ж е. Польские социал-демократические и другие революционные группы в России в борьбе за победу и упрочение Советской власти (октябрь 1917 — январь 1918 гг.). В кн.: «Из истории польского рабочего движения», М., 1962; е г о ж е. Борьба Советского правительства за выход из мировой войны и польские интернационалисты в России. «Ученые записки Института славяноведения», т. XXV, М., 1962 и др.

¹³⁴ И. Д. О ч а к. Из истории участия югославын в борьбе за победу Советской власти в России (1917—1921). В кн.: «Октябрьская революция и зарубежные славянские народы», М., 1957.

¹³⁵ И. П е т е р с. Участие чехословацких коммунистов в защите Советской Республики в 1918—1920 гг. «Институт истории АН УССР. Научные записки», т. 10, Киев, 1957.

ки таких мало изученных вопросов, как влияние Октябрьской революции на крестьянское движение, на армию, на интеллигенцию, на профсоюзные и молодежные организации в этих странах. Следует полнее и всестороннее исследовать деятельность Советского государства, направленную на поддержку борьбы за свободу и независимость народов зарубежных славянских стран, влияние этой деятельности на дипломатию западных держав по отношению к формировавшимся зарубежным славянским государствам, полнее изучить влияние событий, связанных с Октябрьской революцией, на развал Австро-Венгрии и крушение кайзеровской Германии.

Предстоящая еще очень большая работа историков-марксистов, посвященная Октябрьской революции и связанным с нею процессам в развитии зарубежных славянских стран, может успешно развиваться только в борьбе против буржуазной, правосоциалистической и ревизионистской фальсификации исторического значения Октябрьской революции.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
В. Д. К о р о л ю к. Некоторые общие закономерности раннефеодальной истории восточных и западных славян	3
С. А. Н и к и т и н. Происхождение славянской письменности	21
Н. И. Т о л с т о й. Роль кирилло-мефодиевской традиции в истории восточно- и южнославянской письменности	27
И. А. Х р е н о в. Первая русская революция 1905—1907 гг. и зарубежные славянские народы	39
А. Я. М а н у с е в и ч. Октябрьская революция и независимость Польши, Чехословакии и Югославии (К историографии проблемы и задачам ее изучения)	52

Исторические связи славянских народов
Краткие сообщения Института славяноведения, вып. 39

*Утверждено к печати
Институтом славяноведения
Академии наук СССР*

Редактор издательства *А. М. Орехов*
Технический редактор *О. М. Гуськова*

Сдано в набор 11/VII 1963 г.
Подписано к печати 9/VII 1963 г. Формат 70×108^{1/16}.
Печ. л. 4^{3/4}. Усл. печ. л. 6,5. Уч.-изд. л. 6,3.
Тираж 1200 экз. Т—04684. Изд. № 2183. Тип. зак. № 2453.

Цена 38 коп.

Издательство Академии наук СССР.
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства АН СССР.
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строчка	Напечатано	Должно быть
7	14 св.	Ролгары	болгары
9	223 св.	Важнейший	Внешний
13	4 св.	Л. В. Черепкин	Л. В. Черепнин
48	17 св.	югославянских	других югославянских
64	11 св.	империализма	империализма
64	15 св.	сектанства	сектантства
70	1 св.	коммунистических рабочих	коммунистических и рабочих

Краткие сообщения Института славяноведения, 39.

